

ЧЕШСКИЕ СВЯЗИ ГЕРЦЕНА

(1850-е—1860-е гг.)

Статья Ш. Ш. Богатырева

Русско-чешские связи имеют богатые традиции, уходящие корнями в глубь истории. Особенно тесными они стали в начале XIX века, в период так называемого чешского возрождения, наступившего в результате развития капитализма, бурного роста экономики, промышленности и торговли. Рост национального самосознания вызвал у чехов усиленный интерес к другим славянским народам, в особенности к русскому, единственному из славянских народов, создавшему мощное, независимое государство. Русская жизнь и культура, творчество классиков русской литературы и искусства становятся в Чехии предметом пристального изучения.

Среди великих русских политических и культурных деятелей, владевших умами передовой части чешского общества, почетное место принадлежит Герцену.

С деятельностью и произведениями Герцена передовая чешская общественность впервые познакомилась в 1850-е годы, в период жестокой реакции, наступившей после поражения революции 1848 г. Основным источником для знакомства с Герценом служили в то время иностранные, главным образом немецкие, издания его сочинений, проникавшие из Германии в Австрию. «Тогда, — писал в своих воспоминаниях чешский радикальный демократ И.-В. Фрич, — основные сочинения Герцена, равно как и его автобиография, были уже переведены на немецкий язык и беспрепятственно циркулировали во всех культурных кругах» (J. V. Frič. Paměti, druhé vydání, svazek IV. Praha, 1891, str. 510).

Произведения Герцена распространялись, однако, далеко не беспрепятственно. Как известно, правящие реакционные круги ряда европейских стран принимали решительные меры для борьбы с ними. Преследования особенно усилились после того, как начал выходить «Колокол», причем решающую роль в борьбе с «Колоколом» и другими изданиями Вольной русской типографии сыграли интриги русского правительства, развернувшего лихорадочную деятельность на Западе. В результате этого в Пруссии, Саксонии, Австрии и других странах издания Герцена запрещались и конфисковывались.

Особенно усердствовали реакционные круги Австрии — этой «попурассевшей и покачнувшейся *бастилии народов*», как называл ее Герцен, считавший «как человек, как славянин», что «гибель Австрии — единственное условие жизни народов, скованных ею воедино» (X, 4; VIII, 545; IX, 463). Своей пропагандой он стремился ускорить эту гибель, о чем еще в начале 1850-х годов с тревогой и озлоблением писала европейская реакционная печать, всячески раздувая слухи о связях Герцена с австрийскими славянами, о его намерении, наряду с подготовкой к изданию русской газеты, «начать публикацию другого периодического листка на немецком языке, предназначенного, главным образом, для распространения между австрийскими славянами» и направленного на борьбу за «полное уничтожение Австрии» («Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 829).

Подобные сообщения иностранной печати могли лишь усилить преследование изданий Герцена, в особенности «Колокола», ставшего известным в Чехии с первого же года своего выхода¹. Конфискациями и репрессиями австрийские власти стремились

помешать проникновению свободного русского слова, вдохновлявшего лучших представителей угнетенных народов на борьбу за социальное и национальное освобождение.

Кроме сочинений Герцена, источником ознакомления с его деятельностью в пятидесятые годы в известной степени служили статьи о нем в австрийской и иностранной печати². Отсюда, по-видимому, некоторые сведения о Герцене изредка просачивались и в немногочисленные правительственные газеты, выходившие на чешском языке. В этой связи интересна заметка об издании «Полярной звезды», помещенная 12 сентября 1855 г. в газете «Moravský národní list», — в которой Герцен характеризуется как продолжатель традиций декабристов (см. «Slovanské historické studie», I, Praha, 1955, str. 137).

В целом, знакомство чешской общественности с Герценом в пятидесятые годы имеет еще случайный характер.

Значительный сдвиг в распространении и популяризации сочинений Герцена в Чехии происходит в шестидесятые годы. Поражение Австрии в войне с Францией и Италией в 1859 г., большие экономические и финансовые затруднения, вызванные войной и всей предыдущей политикой правительства Баха, вынудили австрийские власти пойти на ряд политических уступок. В Чехии наступает оживление общественно-политической и культурной жизни. Резко увеличивается выпуск книг и периодических изданий, расцветают литература и искусство.

Оживление общественно-политической жизни Чехии в шестидесятых годах совпадает с революционным подъемом в России. Интерес чешской общественности к России никогда ранее не был столь сильным, как в эти годы. Растут русско-чешские культурные связи, увеличивается число переводов русской художественной литературы, на чешской сцене с успехом идут русские пьесы и оперы. Чешские газеты пестрят статьями о революционном движении в России, о действующих там «многочисленных тайных обществах, ставящих своей целью пропаганду свободных идей и ниспровержение уже пошатнувшейся государственной системы» (цит. по статье Б. Станислава «Чешские отклики на русское революционное движение 60-х гг.» в журнале «Praha — Moskva», 1956, č. 1, str. 74), об огромном распространении и влиянии русской демократической печати. Подробно излагаются или перепечатываются прокламации «Великорус», «Русская правда», «Молодая Россия». Особенно высоко ставится «самый либеральный и самый лучший русский журнал «Современник», в редакцию которого входят «известные и за границей русские писатели»: Салтыков-Щедрин, «знаменитый своими сатирическими рассказами <...>, которые по переводам известны отчасти и нашей публике»; «прославленный поэт Некрасов <...>, за разные свои стихотворения подвергавшийся преследованиям властей»; Антонович, «особенно выделяющийся своими философскими статьями в материалистическом духе» (там же, стр. 77). Что же касается редактора «Современника», Чернышевского, то он, по мнению газеты «Нлас» (от 5 августа 1862 г.), «принадлежит к самым выдающимся и самым просвещенным личностям в современной России и известен как решительный демократ и социалист чистой воды <...>, несмотря на строгую цензуру сумевший придать своему журналу демократическую окраску и выразить в нем свои взгляды» (там же, стр. 77).

Из деятелей русской революционной демократии на страницах чешской печати упоминаются еще в начале 60-х годов Писарев, Михайлов, Н. Серно-Соловьевич и другие.

Наибольшим вниманием и популярностью у передовой чешской общественности пользовалось, однако, в эти годы имя Герцена. Многочисленные переводы сочинений Герцена, особенно его статей из «Колокола», появившиеся в чешской печати, свидетельствуют о хорошем знакомстве со взглядами и деятельностью Герцена, о сочувствии к ним демократической чешской интеллигенции.

Произведения Герцена проникали в Чехию самыми различными путями. Некоторые из этих произведений приобрели известность при содействии чехов, путешествовавших по европейским странам³ или постоянно находившихся там на положении эмигрантов и лично знакомых с Герценом (о них см. ниже), а также через иностранцев, особенно поляков, живших или проездом останавливавшихся в Праге⁴. Немаловажную роль в этом отношении сыграли, разумеется, русские. «Тот, кто когда-нибудь встречался с русскими, — читаем мы в газете «Národní listy» от 4 сентября 1861 г., — мог убедиться в том, что как только они проникаются доверием к человеку, то не упу-

скают случая поговорить об Александре Герцене, или Искандере (...), похвалить его стремление беспощадно разоблачать пороки российской действительности и тем самым содействовать борьбе своего народа за лучший строй и свободу» (цит. по сб. «J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře». Praha, 1956, str. 208). Неудивительно, что в результате подобных встреч и бесед, а порою чисто делового общения с русскими, чехи приобретали русские книги, в том числе и произведения Герцена. Так, чешский писатель-демократ Антал Сташек рассказывает, каким образом ему удалось в 1863 г. приобрести сочинения Герцена. Он давал тогда уроки немецкого языка сыну крупного петербургского чиновника Нагорного и его воспитателю (личность которого установить не удалось), приехавшим в Прагу после продолжительных путешествий по Европе.

«Когда они через несколько месяцев стали собираться домой,—вспоминает Сташек,— их денежные ресурсы были уже настолько исчерпаны, что для них оказалось затруднительным оплатить мой труд. Взамен они предложили мне книги, которые не полагалось перевозить через границу. Таким образом получил я за преподавание немецкого языка изрядное количество русской литературы, в том числе несколько сочинений знаменитого Герцена, писавшего под именем Искандера, затем стихотворения революционера Рылеева и, вдобавок, русский перевод записок Екатерины...», который, как известно, также был издан Герценом (Antal Š t a š e k. Vzpomínky. Praha, 1925, str. 389—390).

В чешских газетах и журналах «Národní listy», «Čas», «Hlas», «Boleslavan», «Pravda», «Obrazy života» и других изданиях, в статьях и сообщениях, посвященных России, можно найти подробную информацию о Герцене, о его изданиях и их преследовании в России, в особенности о «Колоколе» — газете строго социалистического направления, которая, «несмотря на строгий запрет и тщательный надзор стокой русской полиции, получила огромное распространение и оказывает большое влияние на общественное мнение» (цит. по журналу «Praha — Moskva», 1956, č. 1, str. 74). Много говорилось в чешской печати об отношениях между Герценом и польской революционной эмиграцией, о взглядах Герцена на социальный и национальный вопросы, приводились его статьи и высказывания об отличительных особенностях русского социализма, опирающегося на земледельческую общину, широко цитировались его обличительные выступления против самодержавия, выражающие «дух времени», который все настойчивее «стучится в ворота дряхлого царизма» (там же, стр. 76).

«Русская свободомыслящая партия вынуждена была бежать от преследований властей за границу,— писала газета «Hlas» 29 июня 1862 г.,— и мечет оттуда в ненавистный режим гром и молнии. Ее требования все более возрастают. Пять лет тому назад Герцен требовал лишь постепенного смягчения и отмены крепостного права, теперь же он требует социалистической республики. Его лондонская газета „Колокол“ благовестит русским воскрешение, а дряхлому царизму упокой. Герцен, Огарев и Бакунин призывают из Лондона к революции против отжившего режима, династии и дворянства» (там же).

В чешской печати появился также ряд статей, специально посвященных Герцену (в газете «Čas» от 26 ноября 1861 г., в журнале «Obrazy života», 1862, č. 18, в календаре «Posel z Prahy» на 1863 г.). Одновременно публикуются статьи, посвященные отдельным сторонам деятельности Герцена и разъясняющие, например, его отношение к польскому вопросу и т. п. Не все эти статьи отличаются абсолютной точностью, в них можно найти и ошибочные положения, неверные факты и утверждения, но в целом они отражают огромную симпатию, которую чешская общественность питала к великому революционному демократу.

Авторы названных статей, опираясь преимущественно на сведения, заимствованные из «Былого и дум», более или менее обстоятельно знакомили чешскую общественность с жизнью и мировоззрением Герцена, отмечали огромное влияние на него восстания декабристов, рассказывали о его университетских годах, об увлечении философией Гегеля и идеями социализма, о преследованиях, ссылке и отъезде за границу, об отношении Герцена к революции 1848 г., о создании Вольной русской типографии и о той кипучей деятельности, которую он развернул в Лондоне.

«При имени Герцена,— писал в журнале «Obrazu života» чешский публицист и переводчик Э. Вавра,— у каждого сознательного русского человека пробуждается горячее чувство глубокого уважения, всегда возникающее в душе при воспоминании о мученике за благородные идеи. Герцен — выразитель идеи свободы в России, он повсеместно — и справедливо — считается вдохновителем и вождем русского социально-освободительного движения, которое, особенно в последние годы, растет с поражающей и радующей быстротой, обещая принести прекраснейшие плоды как самой России, так и всему человечеству» («Čeští radikální demokraté o literatuře». Praha, 1954, str. 175).

«Один этот человек,— писал безымянный автор⁵ статьи о Герцене в календаре «Posel z Prahy» на 1863 г.,— оказывает из Лондона такое влияние на Россию, какого до сих пор не имел ни один публицист, и все, что он делает для России, он делает и для всей Европы» (там же, стр. 182).

«Пути распространения сочинений Герцена,— читаем мы далее,— ныне столь многообразны, что помешать ему совершенно невозможно. „Колокол“ читает чуть ли не вся Россия, а куда не попадают печатные экземпляры, там ходят по рукам списки <...> Всемогущее правительство трепещет от страха перед свободным словом великого изгнанника, а молодежь, охваченная горячим чувством патриотизма и мыслью о свободе, с восторгом читает сочинения Герцена. Какую пользу принесло <русскому> правительству запрещение „Колокола“? Он все же проникает в Россию, и массы читают его с любовью. Бюрократия же охвачена страхом, ибо непреклонный Герцен последовательно разоблачает все ее грехи, едва лишь они успевают совершиться, выставляя их на всеобщее осмеяние. Поразительны скорость и точность, с которой сообщения поступают к нему в Лондон; их можно объяснить лишь тем, что у него есть множество сочувствующих лиц и корреспондентов, в большинстве его неизвестных, но свято преданных его делу» (там же, стр. 191—192, 194—195).

Упомянув о книге «С того берега», «привлекшей внимание просвещенной Европы», автор статьи ставит в заслугу Герцену то, что он указал на пробуждающуюся силу славянских народов и потребовал, чтобы европейские народы признали права славян, ибо им принадлежит будущее. Затем автор подробно излагает содержание брошюры Герцена «О развитии революционных идей в России» и характеризует «Полярную звезду», по своему «содержанию и духу продолжающую направление Рыльева и Бестужева», и особенно подчеркивает значение «Колокола» и тех принципов, за которые Герцен «рагует с неутомимой энергией»: раскрепощение крестьян, уничтожение цензуры, введение суда присяжных и отмена телесных наказаний (см. там же, стр. 188, 191, 193).

Из произведений Герцена и из статей о нем отчетливо вырисовывался образ революционера и демократа, поражавшего размахом и многообразием деятельности. Чехи с глубоким интересом знакомились с русским вопросом, занимавшим центральное место в деятельности Герцена.

Как отмечал Э. Вавра в цитированной выше статье из журнала «Obrazu života», «вся деятельность Герцена направлена прежде всего на Россию; со всей последовательностью и энергией своей незаурядной личности добивается он того, чтобы деспотизм русского самодержавия был подроблен под корень и русский народ освобожден от гнета бюрократии» (там же, стр. 176).

«Во всех своих произведениях,— писал он далее,— Герцен знакомит Западную Европу с действительным положением дел на его родине, указывая на то, что в русском народе кроется великий залог свободы; со смертью царя Николая обнаружилась неопровержимая справедливость слов Герцена, стало явным нынешнее устремление вперед и неудержимое движение русского народа» (там же, стр. 180).

Герцен стал великим союзником передовой чешской интеллигенции прежде всего потому, что он как «трибун русского народа клеймит жгучими словами <...> всякое притеснение и подлое пресмыкательство» и, «вдохновленный пророческим предвидением, снова и снова указывает на русский народ, возвещающий его скорое освобождение от ига царского деспотизма» (там же, стр. 193, 191).

Сочинения Герцена о России помогли многим чехам освободиться от прежних иллюзий, навешенных славянофильской пропагандой, и глубже познакомиться с жизнью и борьбой русского народа. Рассказывая о том, как он в шестидесятые годы изучал

со своим русским учителем, К. К. Шоровым, произведения Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова и других русских писателей, Антал Сташек писал:

«Из бесед, которые я с ним вел, а также из прочитанного мною, для меня стало ясно, что тогдашние наши представления о царской империи были совершенно ложными. Мне были известны многие статьи знаменитого публициста Герцена, была известна история заговора декабристов, в котором был замешан и Пушкин, я ужасался тому, что в России, за малым исключением, не было такого выдающегося прогрессивного человека, который бы не отбывал наказания в сибирской ссылке» (Antal Stašek. Vzpomínky, str. 387).

Произведения русской литературы, и, в первую очередь, Герцена, позволили Сташке ощутить подземные толчки, сотрясавшие русскую империю. «Я чувствовал, —

СТАТЬЯ О ГЕРЦЕНЕ В ЧЕШСКОМ КАЛЕНДАРЕ

«Posel z Prahy» на 1863 г.

Последняя страница статьи

Библиотека Национального музея, Прага

писал он, — что наряду с Россней, которую мы в Европе знали, существует еще другая Россия, Россия тайных обществ, Россия грозных бунтарей, исполненных ярой ненависти и кипучей мысли, действующих с изумительной силой и решимостью» (там же, стр. 391). Именно на стороне «России тайных обществ», «России грозных бунтарей» были симпатии прогрессивных чешских деятелей. И это сочувствие борьбе русского народа против самодержавия росло по мере роста национально-освободительного движения, направленного против австрийской монархии.

В неразрывной связи с русским вопросом предстала перед чешской общественностью позиция Герцена в вопросе польском.

Передовая чешская общественность, сочувственно следившая за героической борьбой поляков против царизма, с одобрением приветствовала позицию Герцена, который, по справедливому утверждению Э. Вавры в журнале «Obrazu života» (1862), «издавна относился с братской симпатией к польскому народу и постоянно думал о его освобождении» («Čeští radikální demokraté o literatuře», str. 179).

Особенно высоко чешская общественность оценила позицию Герцена в отношении польского восстания 1863 г., которое еще больше, чем в 1830—1831 гг., всколыхнуло чешскую общественность, сделавшись одной из центральных проблем политической жизни Чехии. Польский вопрос не сходил в то время со страниц чешской печати; он стал объектом ожесточенной полемики между сторонниками революционной Польши и

ее противниками, смотревшими на польское восстание как на «величайшее несчастье» (Палацкий). Противники восстания опирались в своей полемике на русскую монархическую, славянофильскую и либеральную печать, в частности на статьи И. С. Аксакова, Гильердинга, Лавровского и Ламанского, изображавшие борьбу поляков как величайшую угрозу для русского народа и как поход против славянства вообще. Демократические же друзья Польши справедливо усматривали в восстании выступление против царизма, являвшегося, по их убеждению, заклятым врагом также и русского народа.

«Все мы, желавшие успеха восстанию, — писал А. Сташек, — имели в виду лозунг, который поляки, воюя с русскими, начертали на своем знамени: „За нашу и вашу свободу!“. Поражение царских войск всегда воспринималось нами как утренняя заря свободы, занимавшаяся на „Святой Руси“!» (Vzpomínky, цит. изд., стр. 178).

Вот почему подлинными представителями России передовые чешские люди считали тех русских деятелей, которые, как Герцен, боролись в союзе с революционной Польшей за ее свободу, понимая, что от исхода этой борьбы зависят судьбы всего славянства.

«Герцен и Бакунин, — писала в 1863 г. «Pravda», орган чешских радикальных демократов, — являются для нас лучшими русскими патриотами, чем Гильердинг и прочие статские советники, и мы полагаем, что у Пестеля, Марлинского и других имелись большие заслуги перед славянством <...>, нежели у Муравьева. Именно принцип славянского содружества указывает нам путь подлинной славянской политики, одна из тенденций которой заключается в том, чтобы поляки не только победили, но чтобы их идеи и стремления проникли и в самую Россию <...> Нет надежды на то, чтобы русская политическая система в корне изменилась и улучшилась, если поляки проиграют, а между тем именно от этого изменения зависит будущность всего славянства. Только свободная Россия может активно и успешно выступить в поддержку соплеменников <...>, только свободная Россия может достичь той славы и благоденствия, которые предопределены ее географическими и историческими условиями. Мы не знаем, за кого принимает нас, чехов, господин Гильердинг, когда он выражает удивление по поводу того, что мы, славяне, желаем якобы распада единственного полностью независимого славянского народа. Ничего подобного никому и в голову не приходило, наоборот, мы больше желаем русскому народу полной самостоятельности, чем все нынешний государственный совет в Петербурге, под началом которого эта самостоятельность остается пустой фразой <...> Для того, чтобы можно было ожидать спасения сверху, петербургская атмосфера прежде должна очиститься от влияния Адлербергов, Нессельроде, Финкенштейнов и тому подобных славянофилов. Поэтому мы ждем его снизу и принимаем полностью программу русских демократов, которые, по нашему скромному убеждению, безусловно, лучше знают, чем все чешские царофилы вместе взятые, что было бы России на пользу» («Čeští radikální demokraté», Praha, 1953, str. 505—506).

Приведенная цитата вполне выражает настроения, которые в 1863 г. в связи с польским восстанием овладели лучшей частью чешского общества, и свидетельствует о его сочувствии к позиции Герцена в польском вопросе.

* * *

В 1850-е—1860-е годы отдельные чешские политические деятели, литераторы, художники и ученые вступают в непосредственные сношения с Герценом.

В цитированной выше статье Вавры из журнала «Obrazy života» мы читаем:

«Живая, увлекательная и остроумная речь, свидетельствующая о необычайной, всесторонней образованности и зрелых взглядах, как и о смелом, буйном взлете мысли, который в ней проявляется, непременно располагает каждого к этому необыкновенному человеку <...>

Выразительное и одухотворенное лицо Герцена, которому длинные ниспадающие волосы и окладистая борода придают привлекательный вид, искрящиеся красивые глаза, в которых пламенеет мысль и как в зеркале верно отражается благородство души, обнаруживают перед нами человека необыкновенного, одаренного незаурядными качествами» («Čeští radikální demokraté o literatuře», str. 181).

Насколько нам известно, Вавра не был лично знаком с Герценом⁶, и эта яркая характеристика была им, вероятно, дана со слов людей, встречавшихся с великим русским изгнанником.

К сожалению, чешские связи Герцена до сих пор недостаточно изучены. Нам известны имена нескольких чешских деятелей, бывших знакомыми с Герценом, но сведения о их взаимоотношениях крайне скудны. Назовем, например, журналиста Карела Ионаша (1840—1896), бежавшего от преследования австрийских властей в Лондон, где, как указано в чешской энциклопедии «*Ottův Slovník Naučný*» (Díl XIII, 1898, str. 602), он встречался с Герценом. Об этом свидетельствует также письмо Ионаша к И.-В. Фричу от 7 марта 1862 г., в котором он упоминает, что уже целый год не бывал у Герцена (J. V. Frič. Spisy. I. Praha, 1956, str. 570). Ионаш известен также как автор ряда статей о Герцене, напечатанных в газете «*Národní listy*» в 1861 г.

Близким лондонским знакомым Герцена в 1859—1860 гг. был известный чешский музыкальный педагог и скрипач Леопольд Янса (политический эмигрант с 1850 г.), дававший уроки дочери Герцена, Наталье Александровне. Герцен высоко ставил его как педагога, отмечал в своих письмах, что «уроки Янзы очень полезны», что «с тех пор как Jansa дает уроки, Наташа делает очень большие успехи» и т. д. (X, 134, 144; см. также 152, 335, 361 и письма к Ф. Пульскому в настоящем томе).

Очень мало известно нам о связях Герцена с чешским деятелем Напрстеком. Агент III Отделения, проникнувший в лондонский дом Герцена в 1862 г., сообщал своему начальнику перечень лиц, посещавших Герцена, среди которых был назван «чех Наперсток (старый приятель Бакунина)» (XV, 381). Возможно, что это был Фердинанд Напрstek (1824—1887), активный участник революционных событий 1848 г., пропагандист драматического и музыкального искусства, живший долгие годы за границей. По всей вероятности, именно его имел в виду Герцен, когда, упоминая в «Былом и думах» о круге славян, которых Бакунин сгруппировал около себя в Лондоне в 1862 г., называл среди них и музыканта Напрстека (XIV, 428). Но это мог быть также брат Фердинанда, известный чешский культурный деятель, основатель промышленного и этнографического музея в Праге, Войта Напрstek (1826—1894), который именно тогда находился в Лондоне на всемирной выставке и, конечно, как и многие другие, не упустил случая побывать у прославленного издателя «Колокола».

В донесении того же агента III Отделения, относящемся к несколько более раннему времени, в списке лиц, бывших у Герцена вечером 18 июня 1862 г. и говоривших «о прокламации „Молодая Россия“, которая еще не была получена», указан «Чармак (!), профессор Пражского университета» (XV, 380). В следующем, уже цитированном нами донесении, наряду с именем Напрстека, фигурирует «Чермак, бывший профессор Пражского университета» (там же, стр. 382). Это говорит о том, что сведения агента не отличались точностью. В списках профессоров Пражского университета нам не удалось найти имени Чермака. В чешской энциклопедии «*Masarykův Slovník Naučný*» (Díl I, str. 995) приводится имя Яна-Непомука Чермака (1828—1873) — физиолога и зоолога, профессора Лейпцигского университета. Указывается, что в 1860 г. он находился в Париже, а затем в Лондоне. По всей вероятности, автор списка имел в виду именно Яна-Непомука Чермака, который в 1862 г. действительно несколько раз бывал у Герцена, как об этом недавно сообщил чешский историк И. Зумр на основании имеющихся у него данных (см. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 122). Возможно, что профессор Чермак был знаком с сыном Герцена Александром, тоже физиологом, и, будучи в Лондоне, посетил его знаменитого отца. Возможно также, что он попал в дом Герцена по рекомендации известного чешского художника Ярослава Чермака. Интересно отметить, что в именном указателе Лемке, которым были опубликованы упомянутые списки агента III Отделения, указан не Ян-Непомук, а Ярослав Чермак, являющийся, кстати сказать, младшим братом Яна-Непомука. Не исключено, что Лемке при этом опирался на справку, полученную им от дочери Герцена, Натальи Александровны, ибо, как показывают другие материалы, Герцен действительно был лично знаком с чешским художником Ярославом Чермаком. Поэтому мы остановимся на нем несколько более подробно.

Ярослав Чермак (1830—1878) — один из крупнейших чешских живописцев второй половины XIX столетия. Воспитанный в свободолюбивых патриотических традициях, он еще юношей участвовал в революции 1848—1849 гг. Со знаменем, изготовленным молодым художником, сражались на пражских баррикадах революционные студенческие отряды. И в дальнейшем Чермак, живя за границей, оставался горячим патриотом. Глубоко и проникновенно изображал он чешские и словацкие национальные характеры, обращался к теме национально-освободительной борьбы. В его произведениях особенно широко представлены эпизоды из жизни и борьбы балканских славян против турецких завоевателей.

Чермак был первым чешским художником, получившим всеобщее признание в Европе.

Когда именно состоялось личное знакомство Чермака с Герценом, точно неизвестно. Судя по некоторым источникам, это произошло в Швейцарии (см. J. V. Frīč. Naši předchůdci. Praha, 1953, str. 169), где Герцен провел вторую половину 1849 г. и куда несколько раз приезжал на непродолжительное время в 1852 г. В дальнейшем Герцен неоднократно встречался с чешским художником. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что Чермак в 1859 г. рекомендовал Герцену И.-В. Фрича (о котором см. ниже). «Рекомендательное письмо Чермака, — пишет Фрич, — открыло для меня двери гостиной этого прославленного публициста, который, вероятно, больше всего содействовал освобождению русских крестьян и у которого собирались политические деятели и писатели всех народов...» (там же). Осенью 1857 г. в Манчестере открылась выставка картин из государственных и частных хранилищ Англии. 1 сентября Герцен специально приехал в Манчестер для осмотра выставки и провел там пять дней (см. XXII, 287). В это же время в Манчестере находился и Ярослав Чермак, который дружески сблизился с Мальвидой Мейзенбург, приехавшей туда вскоре после Герцена, и затем в течение двух месяцев был ее постоянным гостем в Уэльсе. Из Уэльса Чермак и Мейзенбург, по словам последней, вместе отправились в Лондон (М. Мейзенбург. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, стр. 410—412).

Давнее знакомство Герцена с Чермаком делает вероятными их встречи в Манчестере и Лондоне, тем более, что связующим звеном для них мог служить близкий семье Герцена человек — М. Мейзенбург. Во всяком случае, не приходится сомневаться в том, что Герцен и его деятельность не раз служили темой разговора при частых встречах Чермака с Мейзенбург в Лондоне и позднее в Париже, куда Мейзенбург уехала на зиму в конце 1859 г. Как отмечает она в своих воспоминаниях, ателье Чермака помещалось в здании бывшего монастыря, расположенном в живописном месте старого Парижа, в зале, служившем во время Великой Французской буржуазной революции местом заседания клуба кордельеров, причем в мастерской Чермака еще сохранялась трибуна, с которой некогда раздавались страстные революционные речи. Здесь Мейзенбург удивлялась от шумного парижского общества, погружаясь в литературные занятия, в то время как Чермак предавался работе над своими картинами. «Сердечная симпатия, связывавшая меня с этим человеком, гораздо более молодого, чем я, — пишет Мейзенбург, — делала наше совместное пребывание приятным и душевным <...> Большей частью мы завтракали вместе <...> За завтраком велись и серьезные и шутливые разговоры <...> Я пользовалась полным доверием Чермака» (M. von Meysenbug. Memoiren einer Idealistin, dritte Auflage, Bd. III. Leipzig, <1881>, S. 196—198. В указанном выше русском сокращенном переводе эта часть ее воспоминаний опущена).

В это время, весной 1860 г., Мейзенбург получила письмо от Герцена с предложением вновь взять на себя воспитание его детей. Она выразила согласие и уехала к Герцену в Лондон, но через некоторое время, в 1861 г., опять вернулась в Париж вместе с дочерью Герцена Ольгой, где продолжала проводить время в обществе Чермака (там же, стр. 208—209, 221, 228).

Кроме Ионаша, Янзы, Напрстека, братьев Чермаков можно назвать и других чешских деятелей, связанных с Герценом в 50—60-е годы ⁷.

Наибольший интерес представляет для нас вопрос об отношениях между Герценом и чешским радикальным демократом, поэтом, публицистом и политическим деятелем Иозефом-Вацлавом Фричем (1829—1890) ⁸.

Фрич — один из наиболее ярких представителей передовой чешской интеллигенции XIX века. «Его мечтой была свобода, — писал о Фриче Ян Неруда, — в этой свободе заключалось <для него> счастье человечества, и он мечтал, что это счастье наступит уже завтра» (цит. по книге: «Nástin dějin české literatury». Praha, 1952, str. 44).

В 1846 г., семнадцатилетним юношей, Фрич, охваченный романтическим порывом к свободе, бежал за границу, в Лондон и Париж, где, по собственному его выражению,

— 213 —

Ruska smrti mučenického na svobodu národa svého co uměl stvořit despotismu vlády. Byl to Pešťák, Rýleček, Muravjev, Bestuzev a Kachubsky a smrti stěžených mužů těch rostla se jakákoli revolucí nadšením a myslí čtrnáctiletého Heczena v neuhaslitéj, jasny, vše osvícující plamen.

První politický čin jeho byl, že s přílepným svým na nárvě meškerakem slavně se zapísal. Již smrti umřelých polit. mučeníků pomohl a zásady jeho hájono po celý život věrně zastávali jeho.

Mladý Heczen vstoupil na universitu moskevskou, kde v brance utvořil se spolek stejné myšlenky pro svobodu buržoazie abychom myslili, kterým spolek sdělilo ruky shromáždění zvláštních nevolníků, včasně tomu ale politice ruské, dorozuměl se v spolek tomu, zavedla vyšetřování, ve kterém i Heczen vzal byt po deseti měsících ve vazbě držan byl, čímž studium jeho přerušeno bylo. Po skončení vazby vyšetřování vypraven byl na amnistii let zpět do Permi, pak do Viatky a konečně do Vladimíru.

V době tohoto vypravení svého přemýšlel Heczen a když mu konečně navrhl do Moskvy opět povoleno byl, šel v krahu rodiny své a věrných přátel svých, zabývajíc se spisováním spisů obsahů dělné zápasu, dílem filosofického. Da této doby patří také známý román jeho „Kdo je vinen?“

Po smrti otce svého odejel Heczen s rodinou svou v 1847 z Ruska do ciziny a musel v Paříži až do prázdného roku 1848, když se velmi činně účastnil tehdejší pařížské revoluce. Následkem toho nemohl se také vich do vlasti své navrátit, nechtěl-li se týraní ruské policie podrobiti.

Z Paříže vydal se na cestu po Itálii, kde však krátký úsudek nemohlo ho stihnout. Zemřel mu tam matka a druhorozený syn. Největší zápas s jeho přáteli stranou odchodu tam zabývali a následkem něčeho těch v brance i vlastní chůl jeho s dílem právě poroučeným.

Tyto skutečné rány osudu dotkly se Heczena velmi bolestně, tak že v hlubokém zarmoutku se vzdal úplně nadělnosti. V rozervanosti té se hledal útěchu v opiování zápisků a bohatého na události, a skášenosti života svého. Zápisky ty byly původně určeny rodině a přátelům jeho, v brance ale spouštěl Heczen, ze zápisky ty i velké občerstvení najímali budou a ze toho má práve, aby mu je lze dočíst, proces je vydal lískem. Zlatav se ponechává a utrpe-

nych osudů ran, uměl si, že život svůj nyní opíše ve prapích vřstí své udá a veskere nikdy své lito vyhrade zbežavati bude. S tímto úmyslem odešel se na počátku v 1852 do Londýna a tencei pozatýlými díkami svému.

Udělil mu zde jal se hned přetaviti na uskutečnění, sdělného záměru svého, totiž zřízení ruské literatury k vydávání spisů, jímž by na vřst své blahodětné působiti mohl. Podniknuti to, v kterém mnozí pochýbovali, že se udělí, se Heczen dosti záměrný byl, dosti nejvyššího úspěchu.

Gonimý duch Heczenův znal dobře potřebu národa ruského a horkávil se v uspokojení svém.

Heczen jak odjakživa národ polským hřátrah nakloněn a vždy osvobodit jeho se zřeteli máje vzal vše ko, pomocí Polska Zvěrova

Swietoslawa, kterým se podniknutí Heczenova se vztahovalo přívětivě Polska vzal a nyní co nezavřeli vlastní, v celé ruské literatury v Londýně se udělá.

Kdy, jakého spisy a literatury jeho vyhledávání byly, je v skutku neznámý, neboť v mnohých vyhledáváních literatury jeho spisy, v ni listene po veskeru Rusi, vzadu strýhlovedy opatření policie ruské a rozsvětlí vřstě, které spouštělo pro Rus přetravti Rusy, jaké spisy tyto v celé nepřehledné ruské knihovně, je vřstě bezchybný.

Stanislav Wincel, jeden z nejvládnějších Poláků nyní je hubnutí metes, tca ve vyhnání zvěro, avšak podniknutí Heczenovo se slázní radostí v očech.

Dne 29. listopadu v 1853 se vyrocení revoluce polské, odůvahu se v Londýně shromáždění polské, při kterém Heczen vystoupil na tribunu, oblažoval před četným shromážděním občerství, že tak i Heczen po svobodě pralínu a v Poláků bratry smýšlí. Ohromující jsou veskerého shromáždění zhlubně poslední slova řečnickova. Podobná děla se i při druhém shromáždění polském v 1855 za doby Krymské války.

Věrným soudcem v publicistické činnosti, jakou Heczen v Londýně prováděl, je přílet lebeč ruský básník Ogarev, jená s nim vyhnání sdělí. V nejvážnější době připojil se k obětem shromáždění. Tento ještě třetí představitel a v rok z r. 1848 známý národovec ruský Michal Bakunin, jená pomnoha strážných soudců a důlním vyhnání do Sybiru, z vyhnání svého

Alexander Herzen.

36

СТАТЬЯ О ГЕРЦЕНЕ В ЧЕШСКОМ ЖУРНАЛЕ «ОБРАЗЫ ЖИВОТА», 1862 г., № 18

Страница статьи

Библиотека Национального музея, Прага

«нажил политический инстинкт», сблизился с польскими эмигрантами, познакомился с Адамом Мицкевичем, Станиславом Ворцелем, посещал польскую военную школу генерала Дембинского в Париже.

Вернувшись в середине 1847 г. в Прагу, Фрич стал активным членом тайной революционной организации «Ришил», направленной против габсбургского абсолютизма и занимавшейся пропагандой демократических идей. Несколько позднее он возглавил военную секцию студенческого политического союза радикально-демократического

направления «Славия», имевшего девиз: «Равенство и свобода». В своем дневнике Фрич записал тогда: «Мне суждено сражаться за родину!» (там же).

И действительно, когда развернулись революционные события 1848 г., Фрич стал во главе политических демонстраций, организовал революционные студенческие отряды, самоотверженно сражался на баррикадах. Он был одним из руководителей пражского восстания 12—17 июня 1848 г.

Когда неудача восстания сделалась очевидной, Фрич поспешил отправиться из обстреливаемой войсками и горевшей Праги в провинцию, чтобы мобилизовать крестьянские отряды на помощь повстанцам. Но он опоздал. Восстание было подавлено, участники его — либо расстреляны, либо брошены в тюрьмы, а оставшиеся на свободе разыскивались властями. В приказе об аресте Фрич значился как «один из главных вождей преступных событий». Однако ему удалось уйти от преследований.

В начале 1849 г. Фрич принимал активное участие в организации бакунинского «майского заговора», имевшего целью остановить с оружием в руках наступление реакции. Заговор был раскрыт правительством, а его участники, в том числе Фрич, арестованы и преданы суду.

После двухлетнего предварительного заключения Фрич был осужден «за государственную измену» на 18 лет тюрьмы (смертного приговора он избежал лишь потому, что к моменту ареста не достиг еще двадцатилетнего возраста).

Освобожденный в 1854 г. по амнистии, Фрич, несмотря на полицейский надзор, тотчас же активно включился в общественную жизнь.

За «дурное поведение» он был в 1858 г. вторично арестован и отправлен в ссылку. Но в 1859 г. ссылка была заменена ему изгнанием. Он выехал за границу, где прожил целых двадцать лет.

За границей Фрич с семьей испытывал мучительные материальные затруднения, перебиваясь литературной работой, переводами, лекциями. Но нужда не ослабила его воли к борьбе, он жил мыслью о своем народе, освобождению которого отдавал всю свою неукротимую энергию.

Фрича также глубоко волновала освободительная борьба других народов, в первую очередь славянских. В Париже, Лондоне, Берлине, Женеве — всюду, куда ни забрасывала его судьба, он сближался с политическими деятелями и революционерами, в частности с выдающимися русскими политическими эмигрантами и представителями передовой русской культуры. В Париже Фрич познакомился с И. С. Тургеневым и, через него, с украинской писательницей М. А. Маркович — Марко Вовчок (см. Марко Вовчок. Твори, т. IV, 1928, стр. 376).

В письме к мужу, относящемся к маю 1862 г. (из Парижа), Марко Вовчок сообщила:

«Я уже, кажется, писала тебе, что тут ко мне приходил чех Фрич — поэт и такой человек, которого не описывать на бумаге, а видеть всякому дай боже. Живет на седьмом этаже с женою и круглолицым мальчиком, больше всего на свете любит свою Чехию, а с нею вместе всякое добро. Он был приговорен к смерти, сидел в тюрьме, а освободившись, вынужден жить здесь; в Чехию ему дороги нет. Читал здесь лекции — когда-нибудь я тебе их передам, и его книжку, которую он мне подарил» (там же, стр. 275).

В тесной связи Фрич находился с Бакуниным, своим старым другом еще со времен славянского съезда и пражских революционных событий 1848—1849 гг. Долгое время Фрич находился под влиянием Бакунина, считал его в известной степени своим учителем, скорбел о судьбе Бакунина, когда тот был арестован и приговорен австрийским судом к смертной казни, и радовался, когда ему удалось затем бежать из Сибири. В начале 1860-х годов он встречался с Бакуниным в Лондоне и Париже⁹.

Из русских деятелей исключительно большое влияние на Фрича оказал в шестидесятые годы Герцен. Вдохновляясь его примером, используя его огромный опыт политической и революционной деятельности, Фрич еще более укрепился в своем решении до конца жизни служить делу освобождения родной Чехии и других угнетенных славянских народов.

Фрич впервые узнал о Герцене в самом начале пятидесятых годов, когда находился еще в тюрьме. Он вспоминал впоследствии о том, как, оторванные от внешнего мира,

он и его товарищи потребовали разрешения выписать из Вены хотя бы одну немецкую газету. В ответ комендант тюрьмы сам предложил им, по его мнению, «абсолютно безупречный» и благонадежный, а на самом деле архиреакционный венский журнал, прославившийся своим черно-желтым фанатизмом и раболепием перед сильными мира сего и обрушивавшийся грубой бранью против революционного движения. Из этого журнала заключенные, по словам Фрича, узнавали «гораздо больше, чем иной журнал смел напечатать», о международных событиях, волновавших европейскую общественность, именно здесь они встретились с именами Герцена, Ледрю-Роллена, Ворцеля, Кошута, Мадзини, Дараша и других видных представителей международной демократической эмиграции (J. V. Frič. Paměti, IV, str. 253).

Более глубоким знакомством Фрича с Герценом стало позднее, после освобождения Фрича, во второй половине пятидесятых годов, когда он непосредственно знакомился с немецкими изданиями сочинений Герцена, проникавшими из Германии в Австрию. Фрич был внимательным и благодарным читателем Герцена и горячо воспринимал каждое его слово. Особенно обрадовала Фрича весть о выходе «Колокола». В «Колоколе» получала воплощение давнишний его мечта о вольном слове, обращенном к родному народу. Еще в 1849 г. Фрич начал издавать литературный журнал, который, однако, просуществовал очень недолго (см. т а м ж е, стр. 113). В 1850 г., находясь в предварительном заключении, но надеясь вскоре выйти на свободу, Фрич обдумывал план издания журнала, посвященного чешской культуре, истории, литературе, искусству, и предполагал привлечь к участию в нем историков, писателей, художников и переводчиков (см. т а м ж е, стр. 217). Этот план остался неосуществленным: суровый приговор сделал невозможным его воплощение в жизнь. Выйдя на свободу в 1854 г., Фрич возобновил свои попытки издания журнала. Казалось, мрачная действительность не давала никаких надежд на осуществление его планов. Созданная властями сложная система ограничений сделала существование сколько-нибудь независимой, оппозиционной прессы фактически невозможным. Вся чешская политическая пресса, за исключением нескольких правительственных газет, была запрещена или прекратила свое существование вследствие невыносимых цензурных условий. Многие издатели и редакторы запрещенных газет и журналов были подвергнуты репрессиям. Тем не менее Фрич упорно и настойчиво стремится к своей цели. «Боевая натура, борющаяся за новое, — писал о Фриче Ю. Фучик, — и в удручающей атмосфере не поддастся отчаянию и не утратит творческих сил» («Fri studie». Praha, 1948, str. 57).

В 1854 г., после неудачной попытки организовать издание журнала Фрич выпустил в свет альманах «Lada Nióla»¹⁰, в котором приняли участие лучшие представители чешского литературного мира. Восхваление поэзии и пропаганда «крамольных» идей Пушкина, Байрона и Гейне, призыв учиться у народной поэзии и правдиво изображать жизнь, стремление дать ответ на вопросы времени и нести в массы передовую мысль, — все это сделало фричевский альманах «в литературном и политическом отношении самым смелым начинанием пятидесятых годов» (т а м ж е, стр. 56).

Реакционная печать ожесточенно обрушилась на Фрича и его альманах. Фрич был предупрежден, что «если он будет продолжать в том же духе, то мигом очутится снова в крепости» (J. V. Frič. Paměti, IV, str. 406). Следующий номер альманаха, почти подготовленный к печати, уже не увидел света. Однако «мысль об издании литературного еженедельника <...> преследовала меня как фата-моргана!», — писал Фрич (т а м ж е, стр. 472). До 1858 г. он пять раз пытался осуществить свое намерение, но все его попытки разбились о препятствия, чинимые властями, в конце концов запретившими ему не только что-либо издавать, но и вообще заниматься литературной работой (т а м ж е, стр. 490).

Именно в это время, когда положение стало для Фрича совершенно невыносимым, он узнал о важнейшем начинании Герцена — издании «Колокола». Не находя в Чехии достаточного простора для политической и литературной деятельности, Фрич решил эмигрировать за границу, чтобы действовать по примеру Герцена и совместно с ним.

«Очевидно в Праге все же начали распространяться слухи о моем намерении бежать к Герцену, — вспоминал потом Фрич, — поэтому власти получили распоряжение

разыскать у меня вещественные подтверждения моей переписки с русским изгнанником и изъять у меня, если удастся, лондонский „Колокол“ (там же, стр. 510).

Никакой переписки с Герценом полицейские власти у Фрича найти не могли, ибо этой переписки тогда не существовало. Они не могли также найти экземпляров «Колокола». По собственному признанию Фрича, «Колокола» он тогда даже «не видал и узнал о его существовании и тенденциях лишь из газет» (там же)¹¹. Но, несмотря на это, Фрич достаточно отчетливо представлял себе политическое направление и программу «Колокола» и целиком солидаризировался с ним. Когда 25 августа 1858 г. Фрич был снова арестован и выслан, он при прощании со своим братом Карелом шепнул ему:

«Будь что будет, но я намерен попасть к Герцену в Лондон, где, надеюсь, в „Колоколе“ ясно и подробно распишу на весь славянский мир наше отчаянное положение» (там же, стр. 494).

Об этом своем намерении Фрич потом напоминал в письме из ссылки. «Пусть жена и брат Карел сохраняют в сердце мои последние слова при прощании», — писал он отцу 27 августа 1858 г. (*J. V. Frič v dopisech a deníčkách*. Praha, 1955, стр. 308).

Ходатайствуя перед властями о замене ему ссылки добровольным изгнанием, Фрич стремился замаскировать свои планы, умышленно распространяясь в письмах к родным о своем намерении отправиться в Америку. «Дома, в Праге, — писал он, — разумеется, думали, что я совсем с ума сошел, — вдруг начал бредить Америкой, где, как считал и предостерегал меня отец, могут преуспевать одни бездушные охотники за наживой. Это недоразумение — Карел, видимо, недостаточно внимательно усвоил последние мои слова относительно „Колокола“ и Лондона — начинало становиться для меня тем тягостней, что я не смел ни устно, ни тем более письменно обмолвиться, что я об этой Америке всерьез и не помпшляю» (*J. V. Frič. Paměti*, IV, стр. 504). В конце концов Фричу удалось усыпить бдительность полиции. Ссылка была заменена изгнанием. 8 марта 1859 г. Фрич в сопровождении полицейского комиссара был доставлен к прусской границе.

Как только Фричу удалось выбраться из-под опеки австрийской полиции, он прежде всего поспешил попасть к Герцену, чтобы, как он писал, «в единственной тогда свободной славянской газете (...) найти место для защиты и выражения чаяний чешского народа» (*J. V. Frič. Naši předchůdci*, стр. 169).

По пути в Лондон Фрич на месяц задержался в Париже. Там он встречался с Яроslавом Чермаком и с видным венгерским революционным эмигрантом Ладиславом Телеки и получил от них рекомендательные письма к Герцену¹².

«Оттуда, — писал Фрич отцу 21 августа 1860 г., — я направился к Герцену, намереваясь предложить ему свое сотрудничество, а тем временем организовать издание чешского журнала, даже если бы мне самому пришлось быть наборщиком» (*J. V. Frič v dopisech a deníčkách*, стр. 104).

В Лондон Фрич приехал 30 апреля 1859 г. 3 мая он написал Герцену (*J. V. Frič. Spisy*, I, стр. 560) и был приглашен к нему на воскресенье, 8 мая. «... Ездил к Герцену, — записал Фрич в своем дневнике, — много гостей; денег не даст, но надеюсь все-таки заработать на себя. И он мне правится, только у него не было времени. Готов поддержать нашу пропаганду» (цит. по книге: *Česko-polský sborník vědeckých prací*. Díl I. Praha, 1955, стр. 435).

Как видно из этой записи, первая встреча с Герценом была для Фрича в общем обнадеживающей. Однако день посещения оказался не совсем удачным. Гостиная Герцена была переполнена, и гостеприимный хозяин мог уделить Фричу время лишь для очень краткого разговора. Более обстоятельно они условились побеседовать 11 мая. Об этой второй встрече в дневнике Фрича мы встречаем следующую запись: «Я долго ждал и в конце концов разозлил его и немножко расшевелил. Он дал мне Вордцеля¹³, хорошо знал Орсини. Думает, что Австрия конец; направляет меня в Сербию» (там же).

Эта лаконичная и во многом туманная запись дает, конечно, весьма слабое представление об их беседе. Речь, видимо, шла о вопросах, волновавших тогда европейскую общественность в связи с начавшейся австро-итало-французской войной. Оба, и Герцен, и Фрич, возлагали большие надежды на то, что «Австрия может от нее погиб-

нута», что в результате распада Австрийской империи освободится не только Италия, но также «Венгрия и славяне» (IX, 559). Что же касается сделанного Фричу предложения поехать в Сербию, то это, вероятно, связано со следующим утверждением Герцена: «Нам надобно проповедовать славянскую конфедерацию, независимую от русского правительства», в которую должны войти «и венгры <...>, и молдовалахи, и турецкая Сербия» (IX, 559). Характерно, что эти мысли — о поражении Австрии и славянской федерации — Герцен высказал в письме к сыну, написанном 11 мая, то есть как раз в день встречи с Фричем.

Тогда же, видимо, Фрич предложил написать для «Колокола» статью об Австрии. На эту тему у Герцена уже была подготовлена и должна была вскоре выйти большая статья «Война» (см. его письма к Ф. Пульскому от 6 и 12 мая в настоящем томе и к сыну от 11 мая — IX, 559). Но, учитывая важность момента, Герцен, по-видимому, не возражал против того, чтобы поместить также обзорную статью Фрича. Такую статью под названием «Австрия и ее славянское население» Фрич представил Герцену во время их следующей встречи, состоявшейся, как видно из дневника Фрича, в воскресенье 15 мая (см. *J. V. Frič a demokratické proudy...*, str. 120). Это была полемически заостренная статья, направленная против защитников Австрии, объявлявшей себя «мученицей германской миссии». Фрич высмеивал австрийских «культуртрегеров», «миссия» которых заключалась в том, чтобы восхвалять инквизицию, заселять швабами пропитанные кровью венгерские степи, наполнять грубой солдатчиной Милан и Венецию, германизировать Хорватию, морить голодом Галицию. «Австрия, — подчеркивал Фрич, — использует немецкий язык исключительно как орудие своих преступлений и этим создает не только главную причину национальной вражды и ненависти, но и нарочито и умело эту вражду вызывает» (*J. V. Frič. Spisy*, I, str. 53).

Герцен, разумеется, ничего не мог иметь против разоблачения «королевско-имперской цивилизации», которая, как он писал, «состоит в постоянном гнете всего народного и в немечизации» (X, 5). В статье «Война» этому вопросу он посвятил несколько ярких страниц (см. X, 5—8), и здесь мы можем констатировать некоторую общность взглядов Герцена и Фрича. Однако в целом Герцен признал статью Фрича не отвечающей задачам «Колокола» и отклонил ее.

Герцен предложил Фричу прийти к нему через три дня, в среду, для переговоров, но за день до встречи Фрич получил от него следующее письмо:

(Londres.) 17 mai 1859

Cher monsieur Fritch,

Je vous prie de venir vendredi à 2½ et non demain, il y a deux ou trois personnes qui se sont annoncées, et alors nous ne pouvons pas parler.

J'ai lu votre article — nous ne pouvons pas l'insérer, il nous faut seulement des faits ou des aperçus généraux — nous ne pouvons faire en russe cette polémique contre l'Autriche.

Tout à vous

A. Herzen

Перевод:

(Лондон.) 17 мая 1859 г.

Дорогой господин Фрич,

Прошу вас прийти в пятницу в половине третьего, а не завтра — два или три человека сообщили, что будут у меня, и нам не удастся поговорить.

Я прочел вашу статью — мы не можем ее напечатать, нам нужны только факты или общие обозрения — мы не можем заниматься на русском языке такой полемикой с Австрией.

Весь к вашим услугам

A. Герцен¹⁴.

Встреча Герцена с Фричем состоялась в назначенную пятницу, 20 мая. В тот же день Фрич записал в дневнике: «Ездил к Герцену для разговора. Плохо — он не хочет

компрометировать себя с нами, не знает нас, не питает к нам большого доверия, не нуждается в нашей помощи» (опубликовано факсимильно в книге: «J. V. Frič a demokratické proudy...», перед стр. 65).

Следует отметить, что дневниковые записи Фрича нередко весьма субъективно отражали настроения момента и что несколько позднее многие факты получали у Фрича более объективную оценку. То же можно сказать и о понимании Фричем Герцена (см., например, ниже, стр. 794). Однако дневниковые записи Фрича все же очень определенно говорят о наличии серьезных разногласий между ним и Герценом по ряду вопросов, и в первую очередь, в оценке положения в Чехии и перспектив развертывания там революционной борьбы. Можно согласиться с утверждением чешского историка В. Жачека, что «Герцен, видимо, не сочувствовал взглядам Фрича на революционное сотрудничество, высказанным в свойственной последнему манере видеть все в розовом свете, и не поверил его доводам, будто Чехия созрела для революции» («Česko-polský sborník vědeckých prací», I, str. 435). Отметим, что столь же скептически Фрич был встречен Л. Кошутом, к которому спустя несколько дней обратился с подобным же предложением¹⁵.

И действительно, Чехия того времени, находившаяся в тисках жесточайшей реакции и представлявшая собой, по выражению Яна Неруды, страну «заживо погребенных», не давала Герцену основания разделять оптимизм Фрича. Чешские историки К. Косиц и Р. Гребеничкова из этого факта делают правильный вывод, что «Герцен считал в данный момент более целесообразным сосредоточить революционную агитацию в странах, где перед сильным демократическим и революционным движением открывались несравненно большие перспективы, чем в политически мертвой Чехии» («Praha — Moskva», 1953, č. 10, str. 77).

С этой точкой зрения не согласен чешский историк И. Зумр.

«Объяснение, данное К. Косиком <...>, — пишет он, — противоречит действительным фактам деятельности Герцена, хотя отчасти и совпадает с замечками Фрича. Как раз в то время Герцен считал необходимым развернуть агитацию среди *всех* славянских народов в соответствии с его идеей создания славянской демократической федерации. Предполагаемый распад Австрии после ее поражения в Италии создавал для этого благоприятную почву». В подкрепление своей концепции И. Зумр приводит высказывания Герцена, содержащиеся в упомянутом письме к сыну от 11 мая 1859 г. и в статье «Война», где Герцен «уделяет особое внимание именно чехам и призывает народы Австрии свергнуть габсбургскую монархию и создать свободный демократический союз. Стало быть, он не мог считать нецелесообразным в *данный* момент проводить подобную же агитацию и в Чехии» («J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 121—122).

Вполне возможно, что, говоря о славянской федерации, Герцен имел в виду и Чехию, хотя в этой связи, вопреки утверждению И. Зумра, нигде ее не упоминал (ссылка на статью «Война» неубедительна, ибо в ней идет речь о Чехии по другому поводу). Но это не противоречит тому, что, исходя из конкретной исторической обстановки, Герцен решил оказать помощь в первую очередь более зрелым в революционном отношении странам, от которых можно было ожидать реальных результатов. Такими странами были Сербия (куда он предлагал поехать Фричу) и особенно Венгрия и Польша, где тогда развертывалось национально-освободительное движение.

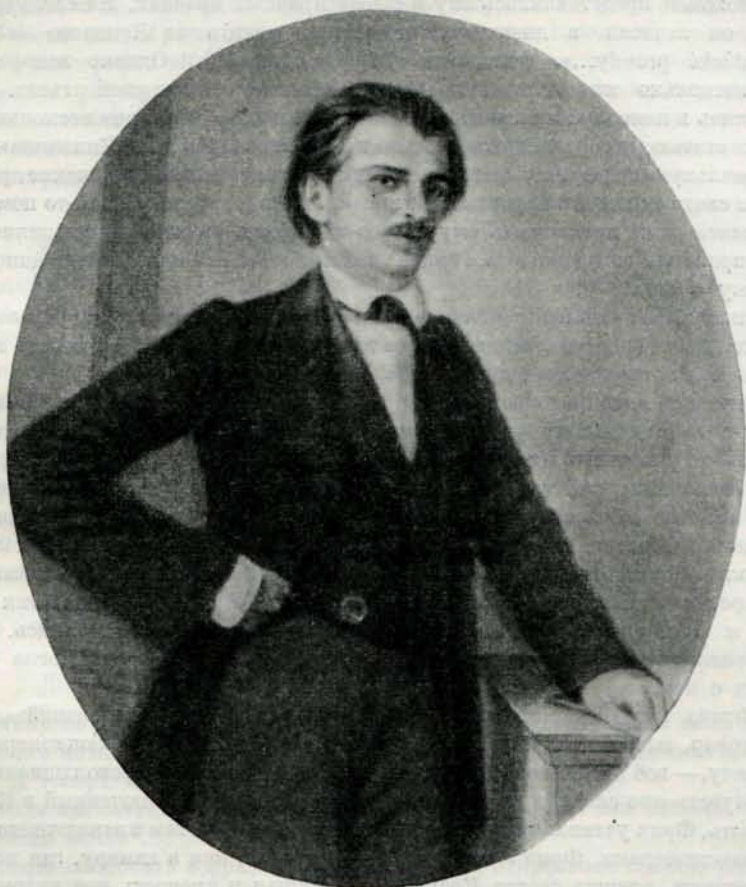
Интересно, что эту точку зрения Герцена, как одну из главных причин его разногласий с Фричем, отмечала и австрийская полиция, следившая за их лондонскими встречами¹⁶.

Разумеется, к полицейским документам следует подходить очень осторожно, так как они содержат немало сомнительного и неверного и в целом дают весьма далекую от действительности картину взаимоотношений Герцена и Фрича¹⁷. Но в то же время в них имеются и отдельные верные заключения, в том числе и приведенное нами выше. Ясно, что позиция Герцена выражала его глубокий демократический интернационализм. Как увидим ниже, именно по этому пути, и во многом не без влияния Герцена, последовал в дальнейшем и Фрич, многократно писавший в своих статьях и письмах о том, насколько важен для свободы чешского народа его боевой союз с другими свободолюбивыми народами, и в первую очередь с Польшей и Венгрией.

Таким образом, нельзя согласиться с возражениями И. Зумра и тем более с его

заключением, что «отсутствие источников не позволяет уверенно судить о причинах, помешавших Фричу стать сотрудником „Колокола“» (там же, стр. 122).

Однако и точка зрения К. Косика и Р. Гребеничковой, при всей ее правильности, далеко не исчерпывает вопроса. То, что Герцен в данный момент не считал целесообразным концентрировать свое внимание на политически пассивной Чехии, явилось лишь одной из причин его разногласий с Фричем, и притом, возможно, отнюдь не главной. На наш взгляд, более существенная причина коренилась в самом «Колоколе», в том,

И.-В. ФРИЧ

Фотография, начало 1860-х гг.
Национальный музей, Прага

что все внимание Герцена было направлено на решение вопросов, связанных с жизнью и борьбой русского народа, на разоблачение антинародной политики царского самодержавия и его аппарата.

«Колокол» посвящен «исключительно русским вопросам», — заявил Герцен в своем программном предисловии к первому номеру «Колокола» (VIII, 426). Наши занятия «все в России, в русских делах и книгах, а не в западных людях и интересах», — неоднократно повторял он на страницах своей газеты (IX, 65 и др.). Эти заявления Герцена точно определяют характер и назначение «Колокола» и всей его лондонской деятельности. В то же время они ясно указывают на одну из главных причин несостоявшегося сотрудничества Фрича в «Колоколе».

Правда, на страницах «Колокола» можно найти статьи и высказывания, касающиеся и других стран и народов, в том числе и Австрии, но в них, за редким исклю-

чением, положение в Европе рассматривалось с точки зрения международной политики царского правительства — этого оплота европейской реакции, а борьба других европейских народов — в тесной связи с борьбой русского народа. Вопросов же внутренней жизни этих стран, не связанных с «русским делом», Герцен всячески избегал¹⁸.

Итак, мы видели, как радужные вначале надежды Фрича на помощь и содействие Герцена с каждой новой встречей таяли, и настроение становилось все более пессимистичным. После встречи с Герценом 20 мая 1859 г. Фричу казалось, что рушились все планы, положение представлялось ему в самых мрачных красках. На следующий день (21 мая) он записал в дневнике, что «решил уехать из Лондона» («J. V. Frič a demokratické proudy...», факсимиле перед стр. 65). Однако вскоре обстоятельства несколько изменились, и Фрич отложил на время свой отъезд. Ему удалось поместить в немецкой эмигрантской газете Кинкеля «Neumann» несколько статей, в том числе статью, которая первоначально предназначалась для «Колокола». Некоторую материальную поддержку оказали Фричу его лондонские и пражские друзья. Не порывал он связи также и с Герценом, который, видимо, стремился чем-то помочь Фричу и собирался даже предложить ему какую-то работу, связанную с изданием «Колокола». Но, проявляя осторожность, Герцен считал необходимым навести еще дополнительную справку о Фриче¹⁹.

Поскольку Фрич явился с рекомендацией Телеки и приехал из румыно-венгерского города Деж (Трансильвания), где находился в ссылке, Герцен решил запросить о Фриче знакомых венгерских эмигрантов.

На следующий день после встречи с Фричем он обратился с письмом к венгерскому литератору и политическому деятелю Ференцу Пульскому, в котором осведомился, знает ли кто-нибудь из его друзей, что собой представляет молодой чех Фрич, приехавший в Лондон из Трансильвании (см. это письмо выше в настоящем томе).

До нас не дошло ответное письмо Пульского. Возможно, что это было не известное до сих пор письмо от 9 июня, о котором упоминается в дневнике жены Пульского. Не исключено и более ранний ответ Пульского, ибо он и Герцен тогда состояли в довольно оживленной переписке. Наконец, весьма возможно, что ответ был устным, так как оба, и Герцен, и Пульский, жили в то время в Лондоне и часто встречались. Остается выяснить, знали ли Пульский и его друзья Фрича и какого рода могла быть их информация о нем.

Роль Фрича в революционных событиях 1848—1849 гг., нашумевший затем процесс и приговор, вынесенный австрийскими властями чешским революционерам, в том числе и Фричу, — все это не могло не быть известно в венгерских революционных кругах, где сочувственно следили за борьбой чешского народа. Заключенный в Комарненскую крепость, Фрич устанавливает контакт с находящимися там в заключении венгерскими революционерами. Фрич вспоминал впоследствии, как в камеру, где помещался он с товарищами, пришла сестра Кошута, проникшая в крепость под видом знатной дамы (J. V. Frič. Paměti, IV, str. 294). Это было одним из проявлений сочувствия и симпатии венгерских революционеров к чешским политическим заключенным. Эти симпатии значительно окрепли, начиная с 1859 г., когда Фрич вступил в непосредственную связь с венгерскими эмигрантами, встречался и переписывался с Кошутым, Клапкой, Пульским и другими, писал о Венгрии в эмигрантской печати, выступал за укрепление чешско-венгерских революционных связей и т. д. И хотя многие из этих фактов имели место позднее, уже к моменту обращения Герцена к Пульскому, венгерские эмигранты могли сказать о Фриче много хорошего.

После предполагаемого ответа Пульского Герцен и Фрич, судя по дневнику последнего, встретились еще дважды — 19 июня и 31 июля 1859 г. (см. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 120). Тогда, возможно, обсуждался и решался вопрос относительно работы для Фрича. О результатах этих встреч нам ничего не известно. Некоторые косвенные данные можно почерпнуть из письма чешской писательницы Боžены Немцовой, в котором она сообщала своему сыну Карелу, собиравшемуся отправиться в Лондон, что Иозеф Фрич также находится в Лондоне, где «пишет для редакции одного русского журнала» и что там вместе с ним живет его брат Вацлав, который работает «в русской типографии, где и Иозеф» («Sebrané spisy Boženy Němcové», svazek XIV. Praha, 1920,

str. 133). Этот же факт утверждается в упомянутом выше донесении тайного агента, который, на основании рассказа Вацлава, вернувшегося в апреле 1860 г. из Лондона, докладывал австрийским полицейским властям о заграничной деятельности Фрича и о том, что Герцен «весьма помог Фричу попасть в редакцию „Колокола“» (см. V. Ž á č e k. *Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935, str. 136*).

Однако этот полицейский документ не дает оснований для того, чтобы говорить о сотрудничестве Фрича в редакции «Колокола». Во всяком случае, по уже отмеченным причинам, о прямом, активном сотрудничестве, как это ранее представлял себе Фрич, не могло быть и речи. Если же, судя по письму Б. Немцовой, Фрич одно время и работал в типографии «Колокола», то очень недолго и выполнял, видимо, какую-то второстепенную работу, не отвечавшую его планам и стремлениям. Ему не терпелось приступить к настоящей работе, и вследствие этого он, по-видимому, не раз обращался к Герцену за помощью и советом. Ниже мы приводим ответ Герцена на одно из таких обращений Фрича.

5 déc<embre 1859>. Park house. Fulham

Mon cher monsieur Fric,

Vraiment j'ai du malheur avec vous. Avec le désir le plus sincère de vous être utile je ne puis rien faire. — Comment voulez-vous que dans ma position on me confie un passeport. Maintenant voilà 2 moyens:

1. De trouver un Anglais qui voudra vous prêter un pass<e>port visé au *foreign office*.

2. De demander tout bonnement au Consulat français, en disant que vous voulez traverser la France — et que vous ne pouvez pas obtenir de passeport autrichien.

Vous pouvez peut-être de la même manière avoir un passeport pour la Belgique.

Je vous salue de tout mon cœur.

A. H e r z e n

П е р е в о д:

5 дек<абря 1859 г.>. Park house. Fulham

Дорогой господин Фрич,

Поистине не везет мне с вами. При самом искреннем желании быть вам полезным, я ничего не могу сделать. Ну как вы хотите, чтобы в моем положении мне доверили паспорт? А теперь вот вам 2 способа:

1. Найти англичанина, который согласился бы одолжить вам паспорт, визированный в *foreign office**.

2. Просто попросить в французском посольстве, откровенно сказав, что вы хотите проехать через Францию, но не можете получить австрийский паспорт.

Быть может, вам удастся получить таким же путем паспорт для Бельгии.

Шлю вам самый сердечный привет

A. Г е р ц е н ²⁰

Смысл письма в целом нам не совсем ясен. По всей вероятности, у Фрича тогда возникла мысль тайно пробраться в Австрию, чтобы наладить или укрепить связи с пражскими друзьями и добиться их поддержки в осуществлении своих планов. Очевидно, он рассчитывал на то, что Герцен, имевший широкие знакомства в Лондоне и большой опыт конспиративной работы, поможет ему достать паспорт на чужое имя. Герцен рассеял его иллюзии, но все же дал несколько практических советов. Мы не знаем, действовал ли Фрич именно так, как указал ему Герцен. Насколько нам известно, план Фрича относительно австрийской поездки тогда не был им осуществлен. Вскоре Фрич принял решение переехать в Париж и сделал это в самом начале 1860 г. (25—26 января).

Таким образом, Фричу не удалось стать постоянным сотрудником Герцена и использовать «Колокол» как трибуну для разоблачения реакционной политики Габсбургов

* Министерстве иностранных дел (англ.).

и для мобилизации передовых сил чешского общества. Связь с Герценом не стала такой тесной, как того добивался Фрич. «По сотне причин мне это не удалось, хотя на Герцена не могу жаловаться», — писал он отцу в письме от 21 августа 1860 г. («J. V. Frič v dopisech a denících», str. 104).

Эти слова Фрича свидетельствуют о том, что он верно понял отношение к нему Герцена и причины их несостоявшегося сотрудничества. Он понял, что «Колокол» не мог служить ему трибуной для выступлений против Габсбургов и что заговорить во весь голос о наболевших вопросах чешской жизни следует в своем, чешском, издании. И Фрич со свойственной ему энергией приступил к подготовке такого издания. Этому начинанию вполне сочувствовал Герцен, посоветовавший Фричу издавать журнал в Париже на французском языке и обещавший ему свою поддержку.

23 января 1860 г., перед самым отъездом в Париж, Фрич получил от Герцена следующее рекомендательное письмо к Делаво, известному переводчику «Былого и дум», который мог быть ему весьма полезен при издании журнала:

Monsieur Fritch, un Slave de Prague, désire faire votre connaissance, cher monsieur Delaveau; veuillez le recevoir avec votre bienveillance accoutumée.

23 janvier 1860.

Paris

Monsieur Henry Delaveau,
№ 24, Rue du Vieux Colombier.

П е р е в о д:

Господин Фрич, славянин из Праги, желает с вами познакомиться, дорогой господин Делаво; примите же его с обычным вашим доброжелательством.

23 января 1860 г.

Париж

Господину Аври Делаво
Улица du Vieux Colombier, № 24

В своем дневнике Фрич записывает: «Был у Герцена!! Герцен рекомендует меня господину Делаво в Париже» (цитируется по журналу «Praha -- Moskva», 1953, т. 10, стр. 79).

Герцен надеялся также заинтересовать изданием журнала М. П. Погодина, собиравшегося приехать в Лондон, и побудить его оказать материальную поддержку Фричу.

Это намерение Герцена может показаться странным, ибо ясно, что направление журнала, который Фрич собирался издавать, было весьма далеко от консервативных казенно-патриотических воззрений Погодина. Сам Герцен, как известно, крайне отрицательно относился к Погодину как идеологу самодержавия и православия и много раз выступал против него в своих сочинениях и письмах.

Желание Герцена привлечь Погодина к изданию Фрича основывалось, во-первых, на том, что Погодин постоянно интересовался славянскими делами и в течение ряда десятилетий поддерживал отношения со многими чешскими учеными и литераторами.

Во-вторых, именно в конце 1850-х годов, после поражения России в Крымской войне, Погодин на время отошел от позиций «официальной народности», высказывался за необходимость проведения ряда реформ и даже был занесен в списки III Отделения как «корреспондент Герцена» и «литератор, стремящийся к возмущению» (IX, 249). К этому следует добавить, что в начале 1859 г. Погодин принимал участие в издании еженедельной газеты И. С. Аксакова «Парус», для сотрудничества в которой были приглашены и чешские литераторы. Известно, что по выходе первых двух номеров газета была запрещена за «предосудительное направление», за выступление Аксакова против царской цензуры, заставлявшей «лгать и безмолвствовать» и, особенно, за статью Погодина «Прошедший год в русской истории», признанную «неблагодумной». Герцен,

как видно из его статей и писем к И. Аксакову (см. XXII, 121; X, 42, 191), интересовался выходом «Паруса», просил выслать его в Лондон, возмущался произволом царских чиновников и напечатал в «Колоколе» от 15 июня 1859 г. документы, связанные с делом «Паруса», под заглавием «Бешенство цензуры».

Наконец, нужно отметить еще одно важное обстоятельство, которое могло побудить Герцена обратиться к Погодину — ему была известна ненависть последнего к Австрии, как врагу славянских народов. Конечно, ненависть Погодина к Австрии принципиально отличалась от ненависти Герцена, а также и Фрича. Для последних борьба австрийских славян была неразрывно связана с борьбой других народов за освобождение от гнета и порабощения, Погодин же исходил из монархических и славянофильских позиций, руководствуясь интересами и политикой царского правительства. Выступая против австрийской политики угнетения славянских народов, он в то же время закрывал глаза на угнетение царизмом народов России и на плачевное положение самого русского народа. Тем не менее, отрицательное отношение к Австрии могло быть в данном случае использовано в интересах начинания Фрича.

Сказанное вполне объясняет, почему Герцен надеялся склонить Погодина к оказанию материальной поддержки Фричу в издании журнала. Однако Погодин не приехал в Лондон, и Герцен не мог осуществить своего намерения. Поэтому Фрич решил непосредственно обратиться к Погодину.

В конце апреля 1860 г. он послал ему через С. А. Юрьева, находившегося тогда в Париже, письмо, в котором писал:

«Искандер в Лондоне не отказывал мне в помощи, однако же, поскольку я задумал издание, главным образом литературного журнала, адресовал меня к вам, имея намерение рекомендовать меня вам лично, если бы вы, как он рассчитывал, приехали в Париж или Лондон. Не дождавшись вас в Лондоне, я поехал в Париж, где политическая буря несколько улеглась, и познакомился по счастливой случайности с господином Юрьевым, и теперь обращаюсь к вам, но уже не с прежним своим намерением просить у вас содействия в издании чешских книг, а в плане более полезном для вас и для нас» (J. V. Frič. Spisy, I, str. 499).

Фрич излагает далее свой проект издания журнала, который должен стать «зеркалом прошлого и будущего славянства» и отразить жизнь и чаяния славянских народов; он говорит о привлечении в состав сотрудников журнала представителей других славянских стран, о содержании журнала, который должен включать художественный и критический отделы, разнообразные статьи на социальные темы, исторические и этнографические исследования, корреспонденции из славянских стран и т. д.

От материальной поддержки Погодина во многом зависела судьба журнала. Тем не менее, Фрич считал необходимым, со свойственной ему прямоотой и искренностью, сообщить Погодину о своей политической и литературной деятельности, об участии в революционных событиях 1848—1849 гг. и последующем тюремном заключении, о связях с Бакуниным и т. п.

Изложив свое политическое кредо и обозначив рубеж, который он «ни в коем случае не намерен переступать», Фрич в заключение пишет:

«А теперь подумайте, можете ли вы всей душой отдаться такому начинанию, хотите ли своей материальной помощью заложить фундамент прекрасного и столь же важного здания, которое должно стать маяком для нашего мира?» (там же, стр. 500—501).

Мы не знаем, было ли письмо Фрича получено Погодиным. В архиве последнего оно не обнаружено. Но если Погодин и получил его, то, в лучшем случае, почти полгода спустя, ибо 27 апреля 1860 г., в тот день, когда жена Фрича, Анна, как явствует из ее дневника, переписывала письмо для передачи его Юрьеву (там же, стр. 581), Погодин отправился в длительное свадебное путешествие на Кавказ, откуда вернулся только 17 сентября (см. Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, СПб., 1892, стр. 323—397). Впрочем, выяснение вопроса, было ли получено письмо Погодиным, не столь уж существенно. Письмо Фрича, хоть и значительно смягченное желанием найти какие-то общие интересы, общий язык ради получения материальной поддержки

создаваемому журналу, содержало столько неприемлемого для Погодина, что о договоренности между ними не могло быть и речи.

Не могли вызвать сочувствия у Погодина и приложенные Фричем стихотворения из цикла «Песни из крепости» («Písňe z bašty»), исполненные революционного пафоса, жгучей ненависти к абсолютизму, зовущие к непримиримой борьбе с врагами свободы.

26 juin. 4 Rue d'Alger
 Cher Monsieur,
 Je vous salue
 chers de bon vin - mes
 ma matin par Ex. L'Amid
 - a 10 Rue d'Alger
 Votre
 J. H. H.

АВТОГРАФ ЗАПИСКИ ГЕРЦЕНА К И.-В. ФРИЧУ

ОТ 26 ИЮНЯ 1861 г.

Национальный музей, Прага

Спустя некоторое время, не дождавшись ответа от Погодина, Фрич снова обратился к Герцену со следующим письмом, которое мы приводим в переводе с французского чернового автографа ²¹.

«Милостивый государь,

Я так долго не давал вам о себе знать, потому что ожидал из Москвы ответа от г. Погодина, к которому я обратился через одного из его друзей, г. Юрьева, заставшего меня здесь. По вашему совету, я предложил ему помочь нам основать в Париже славянский журнал на французском языке. Мне неизвестна судьба этого предложения. Между тем сложившиеся обстоятельства все настоятельнее побуждают меня не откладывать выпуск небольшого периодического листка на чешском языке, который способствовал бы усилению движения, волнующего в настоящее время умы в Богемии

и становящегося с каждым днем все более интенсивным. С этой целью я посылал уже одного из своих друзей в Прагу, откуда он вернулся с обещанием пособия в две тысячи франков, которые мои чешские друзья готовы мне предоставить. Он заверяет меня вместе с тем, что я могу рассчитывать в этом деле на большое сочувствие. Вот почему, милостивый государь, я и беру на себя смелость напомнить вам о себе, тем более, что обстоятельства вынуждают меня искать дополнительной поддержки, действительно необходимой для дальнейшего успеха моего предприятия.

Если вы и впредь готовы оказывать мне честь своим доверием, я буду просить вас о любезности сообщить мне, в какой мере я мог бы рассчитывать на ваши добрые обещания принять участие в осуществлении этого проекта, всю неотложность которого я вам уже изложил. Для меня важно иметь возможность воспользоваться вашим руководством, вашими указаниями для отыскания средств и честных людей, которые могли бы взять на себя продажу газеты, равно как и пересылку ее из Парижа или из Лейпцига в Богемию, которая так жаждет услышать, наконец, свободное слово. Я предполагаю выпускать ежемесячно по два листка, в которых, помимо сводки важнейших текущих вопросов, публиковалось бы обозрение политических событий, эпизоды из истории Австрии, полемические статьи против немецкой журналистики, выдержки из газет, а также сообщения о национальном движении в России, в Польше, корреспонденции из Богемии; изредка несколько политических стихотворений, анекдотов из австрийской жизни и т. д. Выходить газета будет нерегулярно, и, стало быть, никакого задолга не потребуется.

Поскольку моя газета будет издаваться в Париже, она не сможет бороться против нынешней французской политики, в особенности, если Франция снова станет выступать против Австрии, в падении которой весь смысл нашего дела.

В настоящее время у нас в Богемии существует в некотором роде соглашение между старыми доктринерами и демократической партией. Первые (по крайней мере в данный момент) осуждают Австрию. Итак, будем ковать железо, пока горячо.

В надежде на быстрый и ободряющий ответ, пребываю теперь и навсегда вашим признательным и преданным слугою

Ф р . а .

Ответное письмо Герцена пока не обнаружено²², но о его содержании можно отчасти узнать из дневниковой записи жены Фрича (от 5 сентября 1860 г.): «...〈Получено〉 письмо от Герцена, который пишет, что подписывается на 12 экземпляров „Вечного Чеха“ 〈так Фрич намерен был вначале назвать свою газету. — Ш. В.〉. Кроме того, он сообщил адрес князя Долгорукова, который, вероятно, может оказаться Иозефу весьма полезным» (J. V. Frič. Spisy, I, str. 570).

В приведенном письме Фрича, в котором подробно излагается программа издания чешской газеты, весьма интересно то, что Герцен обещал Фричу участвовать в осуществлении проекта издания. Причем более всего тогда интересовали Фрича организационные вопросы, в частности, вопрос о распространении и транспортировке газеты. Такую помощь Фрич от Герцена получил. Известно, например, что Герцен рекомендовал Фрича парижскому книготорговцу А. Франку, в магазине которого продавались издания Вольной русской типографии (см. там же, стр. 569). Надо полагать, что по этому поводу Герцен обращался также и к другим лицам. Об этом можно судить на основании некоторых косвенных данных. Так, на титульном листе газеты «Čech» («Чех»), которую Фрич начал издавать в Женеве с января 1861 г.²³, было указано, что в Лондоне «Чех» продается у С. Тхоржевского. Если учесть, что Тхоржевский заведовал типографией Герцена и был его ближайшим помощником по изданию и распространению «Колокола», если, далее, вспомнить, что в своем письме к Герцену Фрич просил рекомендовать ему «честных людей, которые могли бы взять на себя продажу газеты, равно как и пересылку ее из Парижа или из Лейпцига в Богемию» и т. д., то нетрудно будет обнаружить тесную связь между этими фактами.

Летом 1861 г. Герцен встретился с Фричем в Париже, куда приезжал в связи с болезнью дочери Ольги. Вскоре после приезда Герцена Фрич написал ему письмо, в котором просил разрешения побывать у него. Герцен ответил:

<Paris.> 26 juin <1861>. 4, Rue d'Alger

Cher monsieur,

Je serai toujours enchanté de vous voir—venez un matin, par ex(emple) samedi — à 10 h(еures) ou dimanche.

Tout à vous
A. Herzen

П е р е в о д:

<Париж.> 26 июня <1861 г.>. Улица d'Alger, № 4

Милостивый государь,

Я буду всегда очень рад вас видеть — приходите как-нибудь утром, например в субботу — в 10 ч(асов), или в воскресенье.

Весь к вашим услугам

А. Г е р ц е н ²⁴

О состоявшейся встрече сохранилась запись в дневнике Фрича (см. «Česko-polský sborník vědeckých prací», I, str. 497), из которой видно, что Фрич добивался от Герцена поддержки в каком-то неизвестном для нас деле, что разговор, как и прежде, не обошелся без спора. Однако это не могло изменить отношения Фрича к Герцену²⁵.

Такова неясная во многих подробностях, но в целом достаточно определенная и основывающаяся на документальных свидетельствах история личных взаимоотношений Фрича и Герцена.

* * *

Рассматриваемый нами вопрос далеко не исчерпывается личными взаимоотношениями Герцена и Фрича. Его другую, гораздо более важную сторону составляет их идейная связь, духовная общность интересов, определившая влияние Герцена на Фрича, в особенности на его общественно-политические взгляды²⁶. Это влияние, начавшееся еще в пятидесятые годы, исключительно возросло в следующем десятилетии. Герцен и его «Колокол» стали образцом для издательской, редакторской и публицистической деятельности Фрича. Статьи Фрича в эти годы пестрят выдержками из сочинений Герцена. На Герцена опирается он в полемике с идейными противниками, его словами обращается к друзьям и единомышленникам, призывая их на борьбу за свободу и справедливость.

Во вступительной программной статье к первому номеру своей газеты «Čech» Фрич рекомендовался читателям выдержкой из обращения «прославленного Искандера» к русским друзьям, которое было напечатано после предисловия в обоих прижизненных русских изданиях «С того берега»²⁷ и несколько изменено Фричем в соответствии с обстоятельствами.

«Все хочу принести в жертву человеческому достоинству, свободной речи! <...>— восклицает Фрич вслед за Герценом.—Здесь у меня нет другого дела, кроме нашего общего дела <...> Буду здесь свободным вашим голосом, не заглушенным никакой цензурой, буду свободным вашим органом, случайным, но добросовестным вашим заступником. Пора Европе кое-что узнать о нас. Время des vornehmen Ignorierens* должно окончиться <...>

Успею ли я что-нибудь сделать? Не знаю,—надеюсь!

Итак, прощайте, друзья, надолго... давайте ваши руки, вашу помощь, мне нужно я то и другое» (J. V. Frič, Spisy, I, str. 68—70).

Этими горячими, от души идущими словами великого революционного демократа Фрич старался воздействовать и на чешского читателя, используя их для пропаганды и поддержки своей газеты, издававшейся в самых неблагоприятных материальных условиях.

«Что же мне добавить к этим словам?»—спрашивает Фрич далее и отвечает: «Лишь то, что я уже не говорю шепотом, а громко заклинаю, не прошу тайком, а призываю и кричу: „Помогите мне <...> Пора, чтобы нас услышали!“

* высокомерного игнорирования (нем.).

Я призываю к сотрудничеству знакомых и незнакомых, заверяю, что в этом отношении будет сохранена глубокая тайна — никто не будет назван и скомпрометирован. Пусть каждый пишет мне, что у него лежит на сердце, что нас гнетет, что снедает душу, но вместе с тем, пусть каждый держится одвой лишь чистой, неприкрашенной правды. Пусть никто не пишет по слухам, без повторной проверки фактов, из одной личной вражды. Ложью победы не завоевать <...>

Я не выступаю с готовой программой, ибо, в конечном счете, все зависит от усилий всех соучастников <...> Начиная без капитала и без сотрудников, в единственной надежде на духовную и материальную помощь, я не могу заранее установить ни точные сроки выхода газеты, ни количество номеров.

Настало время, когда ангел правосудия спросит все поработанные народы: „Кто из вас еще жив?“ Смотрите, чтобы нам вовремя отозваться достойным голосом, чтобы нам досталось место в рядах истинных борцов „за правду божию и свободу народа“ (там же, стр. 70—71).

Таким образом, по примеру «Колокола», со страниц которого прозвучал «крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками» (IX, 53), Фрич стремится к тому, чтобы со страниц его издания громко зазвучал голос чешского народа, стонущего под австрийским игом, но отстаивающего свое право на свободную жизнь. И этот голос зазвучал в замечательных стихах Яна Неруды, в корреспонденциях откликнувшихся на призыв Фрича представителей чешской интеллигенции, рассказывавших о положении в Чехии, о возмутительных фактах полицейского произвола и террора. Используя этот материал, Фрич, по образцу герценовского «Под суд!», обличает преступления австрийских властей (см., например, там же, стр. 130—132).

Рассматривая борьбу за свободу Чехии в неразрывной связи с освободительной борьбой других угнетенных народов Европы, Фрич особенно большое значение придавал борьбе русского народа против царского самодержавия, понимая, что от успеха этой борьбы зависит также судьба чешского народа. Отсюда стремление Фрича ближе сойтись и завязать дружеские отношения с русской революционной эмиграцией, отсюда и то влияние, которое русские демократы, в первую очередь Герцен, оказали на мировоззрение и деятельность Фрича, как и на других представителей передовой чешской интеллигенции.

Герцен явился для Фрича одним из наиболее выдающихся представителей передовой русской интеллигенции, выразителем чаяний русского народа, «глашатаем правды о России», который «пробил первую спасительную брешь в гнетущей цитадели царского деспотизма и произвола, подтачиваемой всеобщей коррупцией чиновничества» (J. V. Frič. Paměti, IV, str. 510).

У Герцена Фрич учится ненависти к царизму. Он клеймит позором чешских реакционеров, у которых с языка не сходят такие звучные и популярные слова, как «славянская взаимность», но которые до того погрязли в своем раболепии перед царизмом, «до такой степени утратили чувство достоинства и национальной гордости», что из-за какой-нибудь статейки, напечатанной в либеральной газете, заламывают руки: «Боже, что скажут в Петербурге!». «О гордый Жижка! — восклицает на это Фрич. — Не краснеешь ли ты в гробу за своих бесстыдных потомков?» (J. V. Frič. Spisy, I, str. 485).

Фрич высмеивает также либеральных политиканов, которые с ликованием встречают всякий намек на реформу сверху, веруя в ее спасительную силу. «Пусть они и впредь продолжают питать благие надежды, что раскрепощенный русский народ никогда и ничего больше не потребует от власти <...> Пусть им удастся убедить правительство, что ему нужно все больше отказываться от своего влияния, от своего могущества и произвола. Любой гуманный человек и славянин действительно не мог бы желать ничего лучшего, чем то, чтобы неизбежный социальный переворот, который подготавливается в обновленном организме России, совершился постепенно, без всяких осложнений... Но кто в это серьезно верит, для того история не написала ни одной кровавой страницы; тот же, кто, разбираясь в общественно-политических вопросах, стремится лишь усыпить общество такой несбыточной иллюзией, только бы оно перестало излишне прислушиваться к „бряцанию сабель“ и лучше дремало бы, чем заботилось о реаль-

ной жизни, — тот ведет опасную игру и не может быть другом славянства...» (там же, стр. 468).

Подлинным другом славянства Фрич считал Герцена, поэтому он столь сочувственно относился к его деятельности, так внимательно следил за каждым его выступлением, за каждым его словом о России. Перепечатывая в своих изданиях или излагая в статьях высказывания Герцена о России, Фрич тем самым содействовал ознакомлению передовой чешской общественности с жизнью и борьбой русского народа.

M A I

LA VOIX LIBRE DE BOHÈME

M A I

Paraît à des époques indéterminées et se vend chez Králíkovský à Paris, B. Behr à Berlin, et S. Tichon-zewski, 1, Marché des Ventes, Soho, Londres. — Prix de chaque feuille 10 cent.

ČEŠN

Všetky dopisy a listy týkající se redakce listu připírají se redakci pod adrese: Monsieur Králíkovský rue de Seine, 20, à Paris, (France), kdež jednotlivě čísla poštou zruš. k dostání.

LIST VOLNÝ, OTEVŘENÝ VŠEM TUŽBAM I STESKŮM NAŠIM.

— Slouží —

№ 5.

— A mluva tisíc stál se v jedno srdce tvoje. — Iridum.

1861.

Vivat mater dolorosa!

Věnujme hlavní část tohoto listu Polsku. — Události Varšavské předpokládáme co příliš známe, než abychom jich tu opírali. Důležitější nám, abychom konečně podle příkladu prvního vlastence ruského, Herzena, jasněji prohlédli v poměr dvou slovanských dosud slepě spolu zapasících národů. Bude nám to zdravé a prospěšné; přestaneme snad kolíbat se v svých sentimentálních náhledech o panslavismu, i Herzen jest panslavistou ovšem v nejčistším významu názvu toho, nazývce zneužívaného; raději však světi dohadování nejspanilejších snů svých šťastnějším potomkům, než aby dopustil zmrzačení svobodné a požehnané Věslavie, jejíž úkol svatým bude v dějinách lidstva — v třeštinou duchamornou Chinu. Sudíť o událostech Varšavských kdo chce jak chce — nejmeně jím porozuměl ten, který se ptá: co s tím Poláci

Nesilo se asi panu Zablockému o tom, že páchaje zločin, stal se původem historické události. Vystřel, který on rozkázal, probudil mnohých; prozradil zjevně, jaké to zvířecí choutky pelesá a filnou se dosavad v zákoutích zimního paláce, a jaké instrukce dávají se polojitným a polotatarským místodržitelům i — baskakům.

Však není to vše, co dokázal carský ten vražedník. On zjevil zároveň, že jich dala již minula, že ruský důstojník přestal již býti otrokem, pouhým knutem a bodákem v rukou Zablockých a jemu podobných nerádů, jenž krví pesiných obětí vyslužují sobě vyšších úradů. Jediný z nich zamýšlaje vyplnit vražedného rozkazu, vykoupil čest celého Ruska! Jemu to měl by patřiti kříž sv. Jiříka, jenž na posměch veřejného mínění a s nevážením zřejmých ustanovení řádu samého, hodil na krk ex-králi neapálskému, ne snad za dobytí ale za vzdání pevnosti.

МАЙСКИЙ НОМЕР ГАЗЕТЫ ФРИЧА «ЧЕШ» за 1861 г. ЗДЕСЬ ПОМЕЩЕНЫ ПЕРЕВОДЫ СТАТЕЙ ГЕРЦЕНА «VIVAT POLONIA!», «10 АПРЕЛЯ 1861 И УБИЙСТВА В ВАРШАВЕ» И «MATER DOLOROSA»

Страница первая (неполная)

«Пражская коллениция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Исключительно высоко ценил Фрич отношение Герцена к польскому вопросу. В статьях, посвященных Польше, борьбе польского народа против царского гнета, Фрич исходил из герценовской постановки вопроса, из его революционно-демократической программы. Перепечатывая из «Колокола» или подробно излагая основные статьи Герцена по польскому вопросу, Фрич ставил целью ознакомить с ними чешского читателя и тем самым вызвать или усилить в нем сочувствие к героической борьбе польского народа. Так, в первом номере газеты «Čech» приведена статья из «Колокола» (л. 85 от 15 ноября 1860 г.), в которой «Герцен, — по выражению Фрича, — дал волю своему остроумию» (там же, стр. 134), зло высмеивая так называемый варшавский съезд трех царствующих особ (русского царя, австрийского императора и прусского регента), ставивший своей задачей противодействовать росту национально-освободительного движения угнетенных народов. А когда пять месяцев спустя в той же Варшаве царские войска расстреляли мирную демонстрацию безоружных граждан, Фрич вслед за Герценом поднял свой гневный голос протеста против этой кровавой рас-

правы. В статье «Vivat Mater Dolorosa!», помещенной в майском номере газеты «Чех» за 1861 г., Фрич писал:

«Варшавские события мы считаем слишком известными, чтобы еще раз описывать их. Важнее для нас, по примеру первого русского патриота Герцена, яснее разобраться в отношениях двух славянских, до сих пор слепо враждующих между собою народов». И далее Фрич почти полностью привел статьи Герцена «Vivat Polonia!» («Колокол», л. 94 от 15 марта 1861 г.), «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (л. 96 от 15 апреля 1861 г.) и «Mater Dolorosa» (л. 97 от 1 мая 1861 г.), в которых рассказывается о зверствах царских войск в Польше и о благородных поступках отдельных русских офицеров-патриотов, отказавшихся стрелять по безоружной толпе (там же, стр. 158—166).

В своей статье «Братание поляков с русскими», излагающей программное письмо Центрального национального комитета в Варшаве (от 20 августа 1862 г.), напечатанное в л. 146 * «Колокола», Фрич приводит заключительные слова Герцена: «Тот русский, который и на этих основаниях не подает руки дружбы полякам, тот не любит свободы!», и тотчас же добавляет: «Так должно говорить славянское сердце!» (там же, стр. 280).

Деятельность Герцена служила для Фрича наглядным выражением той помощи, которую революционная Россия оказывала революционной Польше. На эту помощь Фрич возлагал большие надежды, считая, что успешная освободительная борьба польского народа против царского самодержавия, особенно если она будет поддержана крестьянским восстанием в России, окажет неоценимую услугу освободительной борьбе других славянских народов, в частности, явится залогом грядущего освобождения и чешского народа.

«Герцен обещает наверняка восстание в России. Во всяком случае, там будут волнения», — писал Фрич в одном из своих писем 6 марта 1863 г. (цит. по журналу: «Praha—Moskva», 1953, č. 10, str. 81).

Это утверждение Фрича несомненно эмоционально преувеличено, выражено слишком категорически. Обещать восстание «наверняка» Герцен, разумеется, не мог. Он знал, что подготовка восстания в России, намечавшегося «Землей и Волей» на весну 1863 года, происходила в условиях спада революционной волны и демократически-оппозиционного движения. Преждевременное развитие событий в Польше еще больше затрудняло подготовку восстания. Тем не менее героическая борьба поляков все же позволила ему и в этих трудных условиях сохранить надежду на усиление революционной активности в России, на то, что русское освободительное движение соединится с польским восстанием, и он считал своим долгом внушать эту надежду другим.

В письме к В. И. Касаткину от 27 марта 1863 г. Герцен писал: «Революция не только не погасла, но увеличилась [...], наши труды не пропадут даром». Отметив, что «вести из России благоприятны», Герцен призывал «поддерживать польскую революцию, чтобы, в свою очередь, они нас поддерживали. С весной это примет настоящие размеры» (XVI, 149—150).

Из этих слов видно, что Герцен действительно высказывался в духе приведенного выше утверждения Фрича. Однако высказывался он так лишь в письмах или в частных беседах. В печатных же выступлениях Герцена мы подобных высказываний не встречаем. Отсюда можно заключить, что Герцен либо говорил это Фричу непосредственно при встрече, либо, что более вероятно, Фричу об этом сообщил кто-нибудь из близких к Герцену людей — Бакунин, Хоецкий, с которыми Фрич дружил, или же сын Герцена, с которым Фрич также встречался. В этой связи не лишен интереса отчет III Отделения за 1863 г., в котором, среди сведений о деятельных сношениях русских эмигрантов с революционерами из западнославянских земель, упоминается, что «в секретном собрании у Хоецкого (Charles Edmond), бывшем в половине марта, участвовали Герцен-сын и чех Фрич» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 85, ед. хр. 28, лл. 335 об.— 336).

* Фрич ошибочно указывает л. 115.

Жестокое подавление польского восстания, утрата надежды на восстание в России, дикий вой и свистопляска, поднятые «всей оравой русских либералов», всем «образованным обществом» на пепелищах Польши, вызвали у Фрича, как и у Герцена, глубокую скорбь, развеяли его веру в то, что русская интеллигенция займет такую позицию, которая «... в освобождении Польши усматривала бы благотворный для всего славянства акт», позицию, с которой «благородный русский патриот Александр Герцен» провозглашал: «В свободе Польши — свобода России!». «Год тому назад, — писал Фрич, — автор этих строк верил в победу свободомыслящей партии в России, в победу идей Герцена <...> К сожалению <...> и мы и Герцен ужасно ошиблись <...> Чтобы в этом убедиться, достаточно взять в руки какой-нибудь номер „Колокола“ и прочесть скорбные статьи Герцена, мечущие громы проклятий на журналистику, деморализованную на царской службе, на студенчество и профессоров русских университетов, на всех тех, кто «борьбу за свободу, в которой погибают Падлевские и Сераковские, встречает глумлением, диким, пьяным рукоплесканием». (J. V. Fríšč. Spisy, I, str. 484—485). Для примера Фрич перепечатывает две статьи Герцена из «Колокола» — «Плач» и «Бедное русское имя» (там же, стр. 486—490).

На фоне всеобщей деморализации русской либеральной интеллигенции выступления Герцена в польском вопросе предстали перед Фричем особенно ярко. Он видел в них акт высочайшего гражданского мужества. «Мы, — писал он, — не перестанем считать Герцена самым бескорыстным и самым прекрасным образцом того патриотизма, который делает честь любому народу и когда-нибудь, когда его идеи победят, смоем пятно, которое наложила на русский народ его позиция в отношении Польши, разумеется, по вине недостаточного просвещения и царского деспотизма» (там же, стр. 486).

Для пропаганды взглядов Герцена на польский вопрос Фрич, как мы видели, сам переводил и публиковал на страницах печати ряд его статей и высказываний, неоднократно комментируя их.

В этой связи назовем еще статью Фрича «Герцен о Польше», напечатанную в журнале «Pravda» (июль 1863 г.) и представляющую собой монтаж из ряда высказываний Герцена. Во введении к этой статье Фрича мы читаем:

«Так как очень многие у нас ссылаются в польском вопросе на выступления русских журналов и патриотов, мы предоставляем слово самой свободомыслящей русской газете, герценовскому „Колоколу“, ибо Герцена, полагаем, никто не может упрекнуть в том, что он враг русского народа. Наоборот, общеизвестно, что у русского народа и всех славян нет более искренних друзей, чем Герцен и его партия» (там же, стр. 373).

Подобных статей, излагающих взгляды Герцена на польский вопрос, Фрич печатал немало. Более того, как явствует из другой, уже цитированной выше статьи под названием «Позиция Герцена в польском вопросе», Фрич, видимо, намеревался издать на чешском языке целый сборник статей Герцена и других представителей русской эмиграции.

«Я считаю, — писал он, — что не будет некстати для чешского общества услышать голос независимой горсточки людей, эмигрировавших из царского „рая“, людей, которых мы единственно признаем настоящими нашими братьями в смысле человечности, в смысле стремления к свободе, людей, в которых мы усматриваем настоящих славян <...> Пусть ряд статей Герцена покажет, как русское перо защищает Польшу, как следует защищать правду и справедливость...» (там же, стр. 485, 486).

Эти статьи «покажут, хотя бы, например, редакции газеты „Národní listy“, с кем она должна идти, кого защищать, Герцена ли и Бакунина, свободомыслящих русских, или „День“ и „Московские ведомости“, так как она, видимо, находится еще в нерешительности». И Фрич приводит случай, когда в одной статье упомянутая чешская либеральная газета осыпает бранью царскую журналистику, в частности «День» и «Московские ведомости», и в тот же день, в своем «Критическом приложении» обрушивается на Герцена и других представителей русской эмиграции и восхваляет редактора «Дня» Аксакова, как защитника «настоящей славянской политики» (там же е).

«В то самое время, — восклицает Фрич, — когда подлинные русские патриоты, каковыми являются Герцен, Бакунин, требуют освобождения Польши и в нынешней борьбе

стоят на стороне поляков— не омерзительно ли было бы, спрашиваем мы, если бы *какой-либо чех* встал на сторону царя <...> Возможно ли, чтобы кто-нибудь у нас выступал против Польши, в то время, как просвещенные русские (пусть их немного) выступают за нее? Не позорно ли идти вместе с царским офицером „Инвалидом“ и с „Московскими ведомостями“, с прусским „Kreuzzeitung“ и австрийским „Vaterland“? О позор, великий позор!» (там же, стр. 485).

Таким образом, опираясь на Герцена, Фрич разоблачал позиции чешских либералов в польском вопросе, призывая их преодолеть колебания и половинчатость. «Вместе с Герценом,— пишет Фрич,— мы закончим словами, с которыми он обращался к русским: „Братья! Нам нельзя молчать. Будем протестовать“» (там же, стр. 486).

Благотворное воздействие Герцена на Фрича, как в польском, так и в ряде других вопросов, продолжалось и в последующие годы.

Когда в 1867 г. чешские политические и культурные деятели во главе со старочехами Палацким, Ригером и Браунером отправились в Москву на славянский съезд, созданный с благословения царского правительства, Фрич опубликовал в газете «*Národní listy*» от 13 сентября 1867 г. «Открытое письмо», в котором, вслед за Герценом, выступил против этой инсценированной манифестации «славянской дружбы». Фрич резко осудил фарисейское поведение руководителей чешской делегации, которые, разглагольствуя о славянской взаимности, в то же время провозглашали тосты за здоровье и славу русского царя.

«Открытое письмо» Фрича, его резкие суждения, подкрепленные высказываниями Герцена, всполошили чешских участников съезда, и они обрушились на Фрича и его вдохновителя. «„Колокол“ Герцена нам не указ»,— заявлял Ф. Браунер в газете «*Národní listy*». — «В России мы сами убедились в ином, и так как на приведение вообще хорошо смотреть с близкого расстояния, мы пожелали бы гг. Фричу и Герцену, чтобы они побывали там вместе с нами и увидели <...>, что после периода застоя там наступила эра прогресса...» (цит. по книгам: J. J i r á s e k. *Rusko a my*, III. Praha, 1946, str. 19; «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 149).

В самых оскорбительных выражениях порицал Фрича и Герцена «русофильский» журнал «*Posel z Prahy*». «Опасным симптомом патологического состояния господина Фрича является то, что он называет Герцена „свободомыслящим славянином“ и „честным русским человеком“»,—заявлял журнал, угрожая при этом, что «если г. Фрич будет занимать в отношении чехов такую же позицию, как Герцен в отношении русских, то он должен быть готов к тому, что получит подобную же услугу за услугу» (цит. по кн: «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 36).

В ответ на выступления консервативной печати Фрич выпустил брошюру «*Rub a líc té slovanské výpravu na Rus*» (Praha, 1867), в которой, приводя многочисленные отзывы русской печати, еще раз вскрыл подлинное назначение этого «карнавального маскарада». Фрич привел в брошюре полный текст статьи Герцена «Мазурка», где иронически комментировалось это заигрывание со славянами и на примере судьбы Польши была разоблачена подлинная сущность «славянской» политики царизма. Из идейной позиции Герцена по коренным вопросам славянской политики Фрич исходил и в следующей своей брошюре «*Bud' jasno mezi námi!*» (Praha, 1868), в которой он развил и углубил свои собственные взгляды, высказанные ранее в «Открытом письме».

Близость взглядов Герцена и Фрича можно проследить и на ряде других материалов, например, на статьях Фрича, напечатанных в его журнале «*Blatník*» (выходил в Берлине в 1868 г.). Так, в статье «Конгресс лиги мира и свободы» он солидаризировался с позицией Герцена по отношению к конгрессу и изложил статью по этому вопросу, опубликованную в «Колоколе». В другой статье под названием «Да здравствует Украина» Фрич снова возвратился к славянскому съезду 1867 г. и к высказываниям Герцена о нем. В третьей статье он перепечатал со своими комментариями статью Герцена «Мания дозовос», и т. д.

Из сказанного видно, насколько значительное место занимает Герцен в публицистической и издательской работе Фрича, ставшего с 1848 г. одним из ведущих деятелей общественной, политической и литературной жизни Чехии. Личность Герцена в пятидесятых-шестидесятых годах явилась для него вдохновляющим приме-

ром; ее влияние на Фрича несомненно. Герцен помог Фричу глубже узнать Россию, точнее определить свою позицию в славянском вопросе, в частности в вопросе о Польше и польском восстании 1863 г. Фрич же, со своей стороны, явился страстным пропагандистом Герцена в Чехии, где его имя стало близким и дорогим многим поколениям чешского народа.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Русский археолог Иван Матвеевич Мартынов в письме из Парижа от 28 сентября 1857 г. писал в Прагу Вячеславу Ганке: «Издания лондонские расходятся нарасхват. Все русское вообще, кажется, теперь в моде. Недавно вышла 3-я тетрадь „Голосов из родины“ <„Голосов из России“>. — Ш. Б., 2-й лист „Колокола“ и маленькая поэма (Огарева) под названием „Юмор“. Я посылаю ее вам завтра, по почте, и я уверен, что она будет по нутру» («Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель». Издал В. А. Францев. Варшава, 1905, стр. 686).

² По материалам Пражского полицейского управления в 186 гостиниц, ресторанов и кофеен Праги за 1858 г. поступило 73 периодических издания, из которых 40 выходило в Австрии, а остальные 33 выписывались из Германии, Франции, Англии и других стран (см. F. Roubík. *Časopisectvo v Čechách v letech 1848—1862*. Praha, 1932, str. 92—93, 114—115).

³ Чешский писатель-демократ Ян Неруда, живший в 1863 г. в Париже, писал в одном из очерков: «На бульваре Монмартр есть читальня, которую еще до нынешней революции <т. е. до польского восстания 1863 г.> посещало много поляков. Как только я вошел в эту читальню и взял в руки польские журналы, ко мне подошла приветливая и улыбающаяся старушка, седой „genius loci“, и протянула самые последние номера „Часа“ и „Колокола...“» («Dilo Jana Nerud», III, Praha, 1923, str. 38—39).

⁴ Так, в начале 1860 г., в Праге проездом из Лондона на родину несколько недель жил в качестве представителя польских революционеров Александр Яблоновский (впоследствии видный польский буржуазный историк), который, как пишет В. Жачек, «много рассказывал о Герцене и его планах» (см. «J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře», Praha, 1956, str. 214).

⁵ Чешские комментаторы этой статьи связывают ее с именем революционера-эмигранта И.-В. Фрича (подробнее о связях Герцена и Фрича см. ниже), в корреспонденции которого имеется упоминание о подобной статье (см. «Čeští radikální demokraté o literatuře», str. 284).

⁶ Вавра мог знать внешность Герцена только по фотографиям, вероятнее всего по фотографии Левицкого 1861 г., которая, как известно, широко продавалась в пользу польского фонда. Распространялась она, видимо, и в Чехии. В 1862 г. чешский журнал «Lada» информировал своих читателей, что в пражских магазинах можно купить фотографию Герцена (см. «Čeští radikální demokraté o literatuře», str. 284).

⁷ В упомянутой статье И. Зумра среди деятелей, связанных с Герценом, назван журналист А.-В. Страка (умер в 1872 г.) — приятель Бакунина, участвовавший с ним в майских событиях 1849 г. Приговоренный австрийским судом к смертной казни, Страка бежал в Лондон, где принял английское гражданство (см. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 122). Здесь же в числе знакомых Герцена указан чешский пианист и профессор жеманской консерватории Франтишек Прошек, обучавший детей Герцена во второй половине 60-х гг. Отметим еще чешского литератора Йозефа Барака (1833—1883), который, по утверждению другого историка, Вацлава Жачека, находился с Герценом в переписке (V. Žáček. *Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách*. Praha, 1935, str. 153).

⁸ Подробно о Фриче и его деятельности см. упомянутый выше сборник «J. V. Frič a demokratické proudy...», в частности, статью Карела Косика, открывающую сборник: «Йозеф Вацлав Фрич — чешский буржуазный демократ», в которой содержится анализ мировоззрения Фрича.

⁹ Отметим, что единственное беглое упоминание Герцена о Фриче в «Былом и думах» характеризует его как человека из окружения Бакунина (см. XIV, 428). В дальнейшем Фрич, как явствует из его писем и воспоминаний, пересматривает свое отношение к Бакунину (хотя и не порывает с ним), осуждает его анархизм, которым он «оттолкнул от себя не только Тургенева, но и своих самых близких друзей — Герцена и Огарева» (J. V. Frič. *Paměti*, IV, str. 163). — См. также письмо Фрича от середины октября 1862 г. в кн.: «J. V. Frič v dopisech a denících», str. 131).

¹⁰ Название альманаха должно было, по мысли Фрича, символизировать возрождение чешской поэзии и искусства. *Лада* (мифол.) — богиня юности, любви и плодородия; *Ниола* — ее мать.

¹¹ Об этом Фрич также писал отцу из ссылки (письмо от 16 декабря 1858 г.): «Что она <т. е. пражская полиция.> — Ш. Б., собственно говоря, ищет, я не знаю. В газетах писали, что она ищет „Колокол“ Герцена, лондонский журнал, которого я никогда не видел» («J. V. Frič v dopisech a denících», str. 94).

¹² О письме Чермака мы уже говорили выше, на стр. 784. Что же касается рекомендации Телеки, то о ней сохранилась следующая дневниковая запись Фрича, датированная 29 апреля 1859 г.: «Последний день в Париже! Был у Телеки <...> Получил от Т. письмо к Искандеру...» (Прага, Литературный архив Национального музея, фонд И.-В. Фрича. Подлинник на чешском языке).

¹³ Подразумевается, по-видимому, брошюра Герцена о Станиславе Ворцеле, вышедшая в Лондоне в 1857 г. (VIII, 497—507).

¹⁴ Печатается по журналу «Praha — Moskva», 1953, № 10, стр. 78, где опубликовано факсимильно. Подлинник хранится в Литературном архиве Национального музея в Праге. Вместе с этим письмом Фрича, как отмечено в его дневнике, получил от Герцена и свою статью (см. J. V. Frič a Spisy, I, стр. 561).

¹⁵ Фрич письменно обращался к Кошуту дважды — 22 и 28 мая 1859 г. 3 июня Кошут ему ответил, а 5 июня они встретились и обсуждали некоторые интересовавшие их вопросы. Окончание войны разрушило их надежды, связанные с поражением Австрии. 15 июня они встретились вновь (даты этих писем и встреч указаны В. Жачеком. См. «Česko-polský sborník vědeckých prací», I, стр. 437). Однако их переговоры ни тогда, ни позднее (осенью 1859 г.) не дали результатов, видимо, по той же причине, которая помешала сближению Фрича с Герценом. Об этом свидетельствует сохранившийся черновой вариант письма Фрича к Кошуту (1860), в котором снова содержалось предложение объединить «взаимные интересы» чехов и венгров. Касаясь сомнений, ранее, видимо, высказанных по этому поводу Кошуту, Фрич писал: «Решения, которые я с чистой совестью приму за границей, будут признаны и на родине. <...> В большей или меньшей степени я весь этот год оказывал влияние на события, происходившие в Праге» (цит. по книге: «J. V. Frič a demokratické proudy...», стр. 156).

¹⁶ См. V. Ž á ě k. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935, стр. 136; статью того же автора в кн.: «Česko-polský sborník vědeckých prací. Praha, 1955, стр. 435—436. Подробную информацию полиция получала от одного из своих агентов в Праге, который пользовался доверием семьи Фрича и многое узнавал о нем как из его собственных писем к родным, так и из рассказов его младшего брата Вацлава, вернувшегося в апреле 1860 г. из Лондона.

¹⁷ Так, расхождения между Герценом и Фричем и отъезд последнего из Лондона объясняются в полицейских документах тем, что Герцен якобы вообще недооценивал малые славянские народы, в особенности чехов. Ясно, что это утверждение не имеет ничего общего с действительностью и опровергается всей деятельностью Герцена. Его многочисленные высказывания и статьи говорят о глубоком сочувствии к малым славянским народам и о столь же глубокой ненависти к их поработителям. Что касается чешского народа, то достаточно назвать упомянутую выше статью Герцена «Война» (X, 5). Вызывает поэтому удивление, что чешский историк В. Жачек в одной из своих ранних работ не только не опроверг это утверждение полицейского агента, но даже пытался подкрепить его ссылкой на самого Герцена.

«Свое отрицательное отношение к чехам, — писал он, — Герцен сохранил и в последующие годы. Когда он в 1868 г. был приглашен в Прагу на торжественную закладку фундамента Национального театра, то отказался от участия, потому что не пожелал встретиться с приглашенными представителями самодержавной России. В этой связи он в специальной статье „Les Tchèques étonnent aussipar leur ingratitude“ („Чехи удивляют также своей неблагодарностью“) упрекал чехов в ненужном сервилизме. Он с горечью упрекнул их в том, что они не пригласили Бакунина, который стоял у колыбели тогдашнего чешского движения» (V. Ž á ě k. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách, стр. 137).

Достаточно обратиться к названной статье, чтобы стало ясно, что Герцен резко отзывался в ней не о чехах вообще, а лишь о чешских буржуазных деятелях, проявивших рабскую угодливость перед царскими чиновниками и не пославших приглашения Бакунину, который, по убеждению Герцена, был «более достоин его, чем вся шайка профессоров, литераторов и краснобаев, поименованных в списке приглашенных» (XX, 370). Таких реакционных чехов-славянофилов, пресмыкавшихся перед царизмом, Герцен разоблачал и в других своих статьях (см., например, XXI, 45).

Впрочем, эту ошибку Жачека можно объяснить тем, что ему, видимо, не были доступны сочинения самого Герцена и цитировать приходилось по другому источнику (по книге: J. J i ř á s e k, Rusko a my. Praha, 1929, стр. 192—193), а также тем, что до недавнего времени не были известны такие важные материалы, как письма и дневники Фрича и ряд других документов.

¹⁸ Этого принципа Герцен придерживался и в последующие годы. «Герцен говорит, что у них нет времени смотреть по сторонам, что мы должны сами себе помочь, как они себе помогли», — писал Фрич своему брату Вацлаву 28 июля 1862 г., отмечая при этом, что «русские социалисты — только русские», имеющие «слишком много своих собственных дел» (цит. по книге: V. Ž á ě k. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách, стр. 142).

¹⁹ Осторожность Герцена по отношению к малознакомому человеку объясняется в значительной мере тем, что в его дом, под видом сочувствующих его деятельности людей, неоднократно засылались агенты-провокаторы.

²⁰ Подлинник хранится в Праге, в Литературном архиве Национального музея (фонд И.-В. Фрича). Публикуется по микрофильму. Чешские исследователи (см., например, статью И. Зумра в сб. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 121), упоминая об этом письме, датируют его 1861 годом, исходя при этом, очевидно, из карандашной надписи, сделанной кем-то на полях письма. Между тем, на обороте письма указана другая дата — «18»59 г., что и соответствует действительности. Это подтверждается адресом, указанным в письме самим Герценом: Park house, Fulham, где, как известно, Герцен жил в декабре 1859 г.

²¹ Автограф этого письма хранится в Литературном архиве Национального музея в Праге (фонд И.-В. Фрича). На автографе надпись рукой Фрича на чешском языке: «Мое письмо к Герцену из Парижа, когда Юрьев не ответил относительно Погодина в Москве». Вместо «1860 г.» Фрич ошибочно указал «1861 г.». В чешском переводе письмо впервые опубликовано в сборнике «Čeští radikální demokraté», Praha, 1953, str. 333—334.

²² В своей записной книжке 1860—1862 гг. Фрич отметил, что потерял бумажник, в котором находилось «письмо от Герцена» (см. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 121). Возможно, что речь здесь шла именно об этом письме.

²³ Фрич скрывал свое имя, издавая газету от лица Круликовского, чем вызвал недовольство своих чешских друзей. «Почему ваш „Чех“ появился на свет без указания имени настоящего отца своего? (...)» — писал Фричу один из них. — Вы думаете, что Мечери (австрийский министр полиции — Ш. Б.) не знает, кто такой Круликовский? Герцен так не поступал — и хорошо делал. Ваше имя имеет вес и пользуется уважением — и прямая дорога всегда самая короткая. Хорошо было бы, если бы ваш „Чех“ являлся и нашим „Колоколом“, возвещающим воскрешение нашему народу, народу, которому — слышите ли? — со всех сторон звонят за упокой» (письмо к Фричу от 16 марта 1861 г. Цит. по книге: «Česko-polský sborník vědeckých prací», I, str. 450).

²⁴ Подлинник письма хранится в Литературном архиве Национального музея в Праге. Печатается по микрофильму.

²⁵ Об этом говорит, например, статья Фрича о пребывании Герцена в Париже, датированная 15 июля 1861 г. и опубликованная спустя несколько дней (20 июля) в пражской газете «Čas». Статья Фрича дает представление об атмосфере, окружавшей Герцена в дни его пребывания в Париже, и уточняет дату его отъезда из столицы Франции (в летописи Лемке эта дата отсутствует). Приводим текст этой статьи полностью:

«Париж, 15 июля. Герцен покинул Париж еще 9 сего месяца. Бедняга здесь не отдохнул. С утра до ночи мучимый гостями, он к тому же был окружен дюжиной родственников, которые вдруг у него объявились. Не было ни одного русского, проживающего в Париже, который не посетил бы его, в том числе и его заклятые враги; две трети из них, разумеется, лишь отнимали у него три полчасика, а кто и целый час ради только того, чтобы сказать: „Я его видел, разговаривал с ним, пожимал ему руку, он сказал мне то-то и то-то очень остроумное“. Это проклятие всех знаменитых людей — не иметь и свободной минуты для себя самого. С какими делами к нему насойливо приставали, вам лучше всего покажет содержание двух писем, которые я сам читал. Первое письмо поступило по почте, и в нем содержалась просьба оказать протекцию молодому русскому, который превосходно поет и заслуживает того, чтобы устроить сбор в его пользу и этим дать ему возможность обучаться в Париже. Другое письмо собственноручно доставила довольно красивая, несколько меланхоличная дама; оно было от ее маменьки, просившей Герцена помирить бедняжку с женихом — дальним его родственником, который бог весть по каким причинам сбежал перед самой свадьбой ведомо куда.

Так это продолжалось изо дня в день — и когда он, приглашенный за город, уезжал из Парижа, то, возвратившись, непременно находил целые горы писем, бумаг, а среди них и важные статьи для „Колокола“, нередко от неизвестных лиц, присланные просто через служащих. В этом отношении поездка в Париж принесла ему богатые трофеи. Вам, может быть, интересно будет узнать, что единственный уже взрослый сын его находится в настоящее время вместе со своим знаменитым воспитателем и учителем Фогтом где-то в Норвегии с арктической экспедицией.

Статья напечатана без подписи, но авторство Фрича подтверждается следующей его записью в дневнике: «Он (Герцен — Ш. Б.) читал мне письмо относительно певца и затем дамы, покинутой женихом» (цит. по книге: «Česko-polský sborník vědeckých prací», I, str. 497).

²⁶ Интересную разработку вопроса о влиянии Герцена на Фрича, хотя и не лишённую отдельных спорных положений, дает упомянутый выше чешский исследователь И. Зумр в статье: «Čeští radikální demokraté a A. I. Gercen», опубликованной в сб. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 113—150.

²⁷ Фрич, как отмечала в своем дневнике 12 сентября 1860 г. его жена, «читал „С того берега“ по-русски» (J. V. Frič. Spisy, I, str. 580).